А. Х. Хасанов

Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А. Х. Хасанов

Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1977

9(С)1
Х 24

Ответственный редактор
член-корреспондент АН ТаджССР
И. С. БРАГИНСКИЙ

В работе исследуются классовая борьба и народно-освободительное движение в Киргизии против господства Кокандского ханства в 30—70-е годы XIX в. Показано сближение в этом движении трудящихся Киргизии и Узбекистана; рассказывается о восстании киргизского и узбекского народов в 1875—1876 гг.

Х $\frac{10604\text{-}137}{013(02)\text{-}77}$ 128-77

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1977.

ПРЕДИСЛОВИЕ

История классового общества — это прежде всего, как известно, история классовой борьбы. Она определяет весь ход общественного развития, накладывает глубокий отпечаток на все стороны жизни общества. «Что такое *классовая борьба?* — писал В. И. Ленин в работе „К деревенской бедноте".— Это — борьба одной части народа против другой, борьба массы бесправных, угнетенных и трудящихся против привилегированных, угнетателей и тунеядцев» [1].

В киргизском обществе первой половины и третьей четверти XIX в., опутанном патриархально-феодальными отношениями, трудящиеся массы упорно боролись с киргизскими манапами, баями, кокандскими феодалами и царизмом. Эта борьба была еще не организованной, стихийной и в своеобразных условиях тогдашней Киргизии принимала такие формы, как самовольная откочевка букары (бедноты) угнетенных родов. Характерной чертой борьбы трудящихся масс в тот период было совместное выступление киргизского и узбекского народов против Кокандского ханства.

Следует заметить, что сводных работ по истории народно-освободительного движения киргизского народа, которые охватывали бы период господства Кокандского ханства, не имеется. Однако частично эта проблема освещается в ряде трудов, посвященных истории Киргизии, Узбекистана и других республик Средней Азии [2].

---

[1] В. И. Ленин. К деревенской бедноте.— Т. 7, с. 193.

[2] История Киргизской ССР. Т. I, Фрунзе, 1968; История Узбекской ССР. Т. II, Ташкент, 1968; Б. Джамгерчинов. Присоединение Киргизии к России. М., 1959; он же. Очерки политической истории Киргизии XIX века (вторая половина). Фрунзе, 1966; К. Усенбаев. Присоединение Южной Киргизии к России. Фрунзе, 1960; он же. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства. Фрунзе, 1961; В. М. Плоских. Очерк земельных отношений в Южной Киргизии накануне вхождения в состав России. Фрунзе, 1965; и др.

Советская историческая наука, вскрывая прогрессивные последствия присоединения Средней Азии к России, видит их прежде всего именно в развитии народно-освободительных движений против феодально-колониального гнета.

Народно-освободительная борьба киргизского народа против гнета Кокандского ханства и российского царизма уже освещалась в нашей работе «Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50—70-х годах XIX века» (Фрунзе, 1961). В ней Кокандское восстание 1873—1876 гг. характеризуется как народно-освободительное движение в целом на всех его этапах, но не рассматриваются народные движения предшествующего времени и не подчеркнут такой важный момент, как развитие совместной классовой борьбы трудящихся киргизов и других народов Средней Азии против Кокандского ханства.

В настоящем очерке автор пытается дать цельное, хотя по необходимости и краткое, освещение истории народно-освободительного движения в Киргизии в 30—70-х годах XIX в., показать тесное переплетение этого движения с классовой борьбой киргизского народа. Основное внимание уделено борьбе киргизского и узбекского народов против гнета Кокандского ханства, в ходе которой развивалась и крепла братская связь этих двух народов, совместно боровшихся против феодального угнетения.

Глава I

ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ КИРГИЗОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Хозяйство

Основным занятием кочевых киргизов в первой половине XIX в. было экстенсивное скотоводство. Оно обеспечивало население важнейшими продуктами питания, материалами для строительства жилищ, шерстью для изготовления одежды и т. д. Скот круглый год был на подножном корму. Главным богатством киргизов-кочевников были овцы, лошади, коровы, яки (топос) и верблюды. Богатые киргизы нередко имели до двух тысяч лошадей и до трех тысяч баранов [1].

Наряду со скотоводством киргизы, жившие на берегах оз. Иссык-Куль и вдоль рек Чу, Талас и Нарын, занимались земледелием, которое играло второстепенную роль в хозяйстве и носило натуральный потребительский характер.

Сведения о развитии земледелия и его характере мы находим в ряде источников. Так, лекарь Зильберштейн, посетивший в 1825 г. район Иссык-Куля, в своем дневнике писал, что иссык-кульские киргизы сеяли пшеницу, ячмень, овес и горох, и отмечал, что эти культуры «имеют тут самое цветущее состояние» [2].

В «Сведениях о дикокаменных киргизах», представленных генерал-губернатором Западной Сибири и относящихся к середине XIX в., сообщается, что земледелием в той или иной мере занимались почти все киргизы, причем полученный урожай удовлетворял потребности

[1] М. Венюков. Очерки Заилийского края и Причуйской страны.— «Записки Императорского Русского Географического Общества» (далее — «Записки ИРГО»). СПб., 1861, кн. 3—4, с. 108—109; Бардашев. Сведения о дикокаменных киргизах.— «Туркестанские ведомости», 1870, № 15.

[2] «Исторический архив», 1936, № 1, с. 241.

всего населения. Окрестности Иссык-Куля и долины рек Чу и Таласа, согласно этим сведениям, были покрыты пашнями и отличались плодородием. На них сеяли в основном пшеницу, ячмень и просо. Из пшеницы приготовляли хлеб, а ячмень и просо употребляли в пищу как крупу; кроме того, из проса делали бузу и гнали водку. Бедные киргизы не имели своих пашен и нанимались работать к богатым, получая за весь сезон летних работ от 4 до 6 мешков зерна [3].

М. Венюков отмечал плодородие почвы в долинах Северной Киргизии и развитие у киргизов земледелия. Указывая, что бóльшая часть почвы здесь была не черноземной, а глинистой, быстро высыхающей от жары, он вместе с тем подчеркивал, что благодаря искусственному орошению земля давала хороший урожай. Лучшие и многочисленные пашни, по его словам, находились на восточном берегу оз. Иссык-Куль, по рекам Тюп и Джергалан, по Зауке, затем у Пишпека, а также на северном и южном берегах Иссык-Куля [4].

Определенную роль в хозяйстве киргизов играла охота. Киргизские охотники занимались охотой на диких баранов, коз и маралов (оленей). Рога оленей, наполненные кровью (панты), высоко ценились китайцами как лекарственные средства и покупались ими по цене от 50 до 100 рублей серебром каждый [5]. Таким образом, охота на маралов носила явно промысловый характер. В этой связи небезынтересно отметить, что известный в то время манап Ормон занимался охотой исключительно на маралов и держал для этой цели несколько искусных стрелков, выделяя им за удачную охоту часть своей добычи.

Широкое распространение имела охота с беркутами (орлами), при помощи которых киргизы ловили лисиц и куниц, меха которых употребляли в основном для своих нужд, но частично сбывали и татарским торговцам. Киргизы охотились также на медведей и волков, их шкуры расстилались в богатых юртах. По-видимому, охота служила прежде всего средством удовлетворения внутренних потребностей киргизского хозяйства и лишь

---

[3] «Записки ИРГО». 1851, кн. 5, с. 140—143.
[4] Там же, с. 109.
[5] М. Венюков. Очерки Заилийского края..., с. 110.

отчасти являлась промыслом, рассчитанным на продажу охотничьей продукции.

В весеннее время киргизы занимались рыболовством в реках бассейна оз. Иссык-Куль. В «Сведениях о дикокаменных киргизах» (1851 г.) отмечалось, что весной в этих реках бывает очень много рыбы, «которую киргизы бьют палками и ловят мешками, сшитыми наподобие палаток»[6]. Как видно из этого сообщения, рыболовство у киргизов было весьма примитивным и служило лишь подсобным занятием, к тому же резко ограниченным во времени. Однако несомненна ошибочность утверждения некоторых авторов, что киргизы до вхождения в состав России вообще не занимались рыболовством.

Ремесло киргизов носило по преимуществу характер домашних промыслов и служило необходимым дополнением натурального скотоводческого хозяйства. Довольно широкое распространение получило изготовление войлоков, попон, седел и других предметов, необходимых в домашнем обиходе[7]. По данным Венюкова, киргизы, кочевавшие по Таласу, валяли не только простые кошмы, т. е. четырехугольные войлоки, но и шапки и даже целые бурки. Киргизские шапки, имеющие конусообразную форму с отогнутыми кверху полями, всегда высоко ценились. Киргизские женщины ткали грубую материю из верблюжьей шерсти, получившую у русских название «армячина». Одежда киргизов состояла из халата, широких чалбаров, рубашек и сапог с высокими каблуками и коротким следом[8]. Верхняя одежда киргизов изготовлялась в это время чаще всего из кашгарских материй, нижняя — из белых бязей, выделывавшихся в Коканде и Китае, обувь — из русских красных кож.

Железо для выделки оружия и бытовой железной утвари добывалось примитивным способом из черного крупного песка, собиравшегося на берегах Иссык-Куля. Свинцовые руды, имевшиеся в районах кочевий, не разрабатывались. Соль добывалась в верховьях рек Нарын, Чу, а также по речке Кетмень-Тюбе. Пласты отличной

---

[6] «Записки ИРГО», 1851, кн. 5, стр. 144.
[7] Там же, с. 151.
[8] М. Венюков. Очерки Заилийского края..., с. 10.

каменной соли имелись близ Каракола и в долине оз. Сон-Куль [9].

Вооружение киргизов состояло по преимуществу из холодного оружия и включало в себя прежде всего айбалты (род топоров), сабли, пики и ружья. В источниках упоминаются также такие виды оружия, как чокмор (булава), луки со стрелами и панцирь. Огнестрельное оружие киргизы приобретали в Коканде. Это были устаревшие длинноствольные, тяжелые фитильные ружья. Порох для них покупался в Коканде и в Кашгарии. Часть холодного оружия киргизы также покупали, остальное изготовляли сами [10].

Хотя в рассматриваемый период хозяйство киргизов носило в целом натуральный характер, однако известное развитие получила и меновая торговля. В Киргизию приезжали российские, кокандские и кашгарские купцы, которые выменивали свои товары на скот, главным образом на овец. Таким образом киргизское натуральное животноводство постепенно втягивалось в товарное обращение: на внешний рынок киргизский скот поступал как товар. Однако эта торговля носила весьма примитивный характер. Торговые обороты киргизов ограничивались почти исключительно обменом скота на товары, поступавшие из России, Кашгара и Коканда [11]. Сами киргизы ничего не вывозили за пределы своего края для продажи. «Даже лошадей не выгоняют они,— пишет Венюков,— ни в Коканд, ни в Кашгар, ни в Кульджу. Вся торговля в их стране производится караванами ташкентских, кокандских, кашгарских и отчасти русских купцов. Они привозят в аулы киргизов все, что нужно для киргизского быта, и остаются в аулах иногда целый год» [12]. Как видно из сообщений источников, в Киргизию ввозились преимущественно потребительские товары, частично — предметы роскоши и оружия.

Из Кашгара сюда поступали разные бумажные материи, халаты, бязь, сушеные ягоды и т. д. Особенно

---

[9] «Туркестанские ведомости», 1870, № 15.

[10] Б. Солтоноев. Материалы по истории Киргизии (рукопись). Хранится в фонде отделения общественных наук АН КиргССР.

[11] «Записки ИРГО», 1851, кн. 5, с. 152; «Туркестанские ведомости», 1870, № 15.

[12] М. Венюков. Очерки Заилийского края..., с. 110.

ходовыми товарами были бязь и бумажные армячины, обменивавшиеся на 4—5 баранов.

Русские товары доставляли главным образом татарские и узбекские купцы. Это чаще всего были товары низкого качества, не реализованные внутри России. В их число входили ситцы, нанки, коленкор, миткаль, кожи и разные железные предметы, а также маленькие простые зеркальца, серьги, кольца и др. Особенно ценились в Киргизии предметы из железа и юфть. За эти товары купцы получали быков, баранов, лисьи и куньи меха. Барыши торговцев были очень велики: если аршин красного сукна стоил 1 руб., то торговцы продавали его за три барана; 10 аршин миткаля, саржи или нанки стоили 7 коп., а их продавали за барана. Юфтовая кожа стоила 7—8 баранов, а чугунные и железные вещи продавались киргизам по особенно высоким ценам. Таким образом, торговля носила явно неэквивалентный характер.

В кочевья Киргизии ежегодно приезжали также кульджинские уйгуры, привозившие чай, рис, табак и шелковые материи. Из Коканда и Ташкента в Киргизию привозили оружие, порох и в ограниченном количестве пестрые шелковые материи, которые шли для одежды жен богатых манапов. Киргизские манапы ежегодно выменивали в Китае слитки серебра (ямба), которые не пускали в торговый оборот, а хранили у себя в качестве сокровища.

Внутри Киргизии экономические торговые связи между отдельными районами были слабы, а подчас и вовсе отсутствовали. Меновая торговля велась, как мы уже отмечали, только с приезжими купцами, являлась по существу внешней торговлей, служившей прежде всего интересам феодальной верхушки и удовлетворявшей почти исключительно потребительские нужды, которые по ряду причин не могли быть обеспечены собственным, крайне неразвитым производством. Что касается самих киргизов, то они сбывали, как правило, лишь излишки скота и в небольшой степени продукты охотничьего промысла. Все это характерно для общества, где господствовало натуральное хозяйство, слабо втянутое в товарное обращение.

Общественно-экономический строй

Низкий уровень развития киргизского хозяйства обусловил основные особенности общественно-экономического строя киргизов в первой половине XIX в. Его характерной чертой было господство патриархально-феодальных отношений.

X съезд РКП(б) характеризовал киргизов как народ, сохранивший до Великой Октябрьской социалистической революции «патриархально-феодальные отношения» [13]. Это определение правильно отразило уклад жизни и быта Киргизии того времени.

В феврале 1954 г. в Ташкенте состоялась научная сессия, посвященная истории Средней Азии и Казахстана досоветского периода. В решении этой сессии «о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана» говорилось, что «труды советских историков, основанные на большом и разнообразном историческом материале, полностью опровергли буржуазно-националистическую „теорию" родового строя у кочевников и разоблачили лженаучное утверждение о том, что кочевые народы в силу специфических особенностей кочевого скотоводства не могут подняться в своем историческом развитии выше первобытнообщинного родового строя» [14].

Общеизвестно, что в Киргизии в первой половине XIX в. существовало феодальное общество, однако феодализм здесь тесно переплетался с патриархально-родовыми и племенными отношениями. Экономической основой феодализма у кочевых киргизов являлась феодальная собственность манапов и баев на землю, которая и была главным средством производства. Сюда относились пахотные земли, пастбищные пространства — летовки (жайлоо), зимовки (кыштоо), охотничьи территории и т. д. Скотоводство было неотделимо от земли, т. е. от пастбищных территорий, которые были монопольной собственностью феодалов, нередко выступавших в обличье родовых старшин. «Особенностью феодальной земельной собственности у кочевников было

[13] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. I, М., 1953, с. 559—560.

[14] Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955, с. 582.

также и то, что она нередко была замаскирована общинным землепользованием» [15].

При кочевом скотоводстве непосредственным объектом производства являлся скот, бóльшая часть которого была собственностью феодалов. Но наряду с этим существовала на скот и мелкая собственность крестьян-кочевников.

При таких формах собственности основными классами киргизского общества в изучаемый период были, с одной стороны, господствующий класс феодалов — манапы, бии (судьи), баи и т. п., с другой — трудящееся, феодально-зависимое крестьянство (букара), подвергавшееся феодальной эксплуатации. Наряду с этим у киргизов существовало патриархальное рабство. Рабами были главным образом военнопленные, захваченные в сражениях с другими народами и племенами. Рабы (кулы) использовались преимущественно в домашнем хозяйстве феодалов и лишь отчасти принимали участие в самом процессе производства. К тому же и число их было относительно невелико.

Класс феодалов отличался известной пестротой, наличием местных вариантов феодальных титулов и званий, некоторыми особенностями, обусловленными длительным сохранением патриархально-родового быта.

На севере Киргизии значительную часть феодалов составляли манапы. Происхождение термина «манап» недостаточно ясно, и он до сих пор служит темой научных дискуссий [16]. Однако не подлежит сомнению, что это феодальный титул. Правители родов и племен — манапы, тесно связанные с патриархально-феодальными отношениями,— фактически являлись монопольными собственниками огромных пастбищных и иных угодий, владели громадным количеством скота и обладали значительной политической властью (формально над сородичами и соплеменниками). В соответствии с количеством зависимых юрт манапы делились на три группы: стар-

[15] Там же, с. 37.

[16] Различные мнения о происхождении термина «манап» см., например: В. В. Бартольд. Киргизы (исторический очерк). Фрунзе, 1927, с. 49; М. П. Вяткин. Батыр Срым. М.—Л., 1947, с. 109; К. Усенбаев. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства. Фрунзе, 1961; М. П. Айтбаев. Социально-экономические отношения в киргизском ауле в XIX и начале XX в. Фрунзе, 1962 и др.

ший манап (баш манап), средний манап (орто манап) и младший манап (чала манап). Мелкими считались те манапы, в зависимости от которых было менее 100 юрт [17].

Непосредственной опорой манапов служили группировавшиеся вокруг них отряды джигитов, готовых выполнить любое приказание своего повелителя. В руках манапов причудливо сочеталась власть традиционно сохранявшихся родовых и племенных старейшин и власть феодальных владык, нещадно эксплуатировавших зависимое крестьянство.

Следует заметить, однако, что звание «манап» получило широкое распространение только на севере Киргизии. На юге, как свидетельствуют фольклорные источники, этот титул не применялся, феодалы носили здесь обычно звание биев, датха, беков и казиев.

Значительную и весьма влиятельную часть господствующего класса феодалов как на севере, так и на юге Киргизии составляли бии (судьи). В оседлых районах Южной Киргизии функции биев выполняли казии. В руках биев и казиев сосредоточивалась судебная власть, за отправление которой они получали в свою пользу значительную часть судебных штрафов, а также различные подарки, по существу являвшиеся своеобразной узаконенной взяткой. Судебный аппарат был одним из важнейших орудий господства феодалов и широко использовался ими для порабощения букары. Об этом ярко свидетельствует характер судебной власти.

Бий руководствовался в своей судебной практике «адатом», т. е. неписаным обычным правом. Во время судебного процесса учитывалось социальное и имущественное положение сторон. Так, за убийство судья назначал «кун» (откуп), т. е. цену за убитого, размеры которой определялись социальным положением последнего. За убийство женщины, бедняка или раба назначался гораздо меньший «кун», чем за убийство манапа, бая и батыра [18]. В судопроизводстве царил полный произ-

---

[17] В. В. Бартольд. Киргизы..., с. 51.

[18] Батыр — букв. «богатырь». В XIX в. термин «батыр» имел два значения: первое — народный батыр, народный герой, какими в киргизском фольклоре считаются: Эр-Табалды, Курманбек, Тайлак и др.; второе — феодальный военачальник, предводитель манапских дружин, какими были Торогельды, Джамангара и др.

вол. Так как адат был неписаным правом, а мусульманское писаное религиозное право — шариат — применялось биями очень редко, то открывался широкий простор для взяточничества, вымогательства и грабежа населения. Богатые люди всегда могли откупиться, бедняки же попадали в полную зависимость от биев и других феодалов. Заметим сразу, что и казии, судившие на основе шариата, были не менее бессовестными эксплуататорами народных масс.

Эксплуатация трудящихся масс киргизского общества осуществлялась путем присвоения феодалами прибавочного продукта, произведенного трудом зависимых крестьян. В специфических условиях тогдашней Киргизии эта эксплуатация нередко маскировалась патриархально-родовыми отношениями. Трудящиеся массы, букара отбывали в пользу феодалов ряд повинностей, нередко выступавших в форме «родовой помощи», «добровольных» подарков и приношений, носивших в действительности принудительный характер. Наиболее распространенными повинностями этого рода были саан, куч, салык, чыгым, союш и др.

Владея большим количеством скота, феодалы широко использовали его как средство эксплуатации бедноты. Манапы, баи и прочие феодалы предоставляли беднякам-сородичам часть дойных коров и овец на условиях «саана». Получая скот в «саан», букара могла пользоваться молоком и шерстью, но обязана была круглый год кормить его, сохранять приплод и т. д., а также бесплатно выполнять в пользу феодалов ряд работ: пасти манапский и байский скот, убирать посевы, косить сено и т. п. По сути дела «саан» представлял собой разновидность отработочной ренты, своеобразную форму барщины за право пользования молочным скотом. Условия «саана» были чрезвычайно тяжелы для бедняков, которые вместе с семьями оказывались в кабальной зависимости от феодалов.

Другой формой феодальной эксплуатации являлся «куч» (временное пользование рабочим скотом). Манапы и баи снабжали бедноту рабочим скотом на время посева, за что бедняк должен был отдавать феодалу половину, а иногда и бóльшую часть собранного урожая.

Помимо этого букара должна была выплачивать манапам «салык» и «чыгым», т. е. налоги скотом, продук-

тами и деньгами, взимавшиеся якобы для покрытия расходов, произведенных в интересах рода или аильной общины, а также вносить в их пользу «союш» — оброк скотом для зимнего содержания манапа, аналогичный казахскому «согым». Существовал и ряд других поборов, более или менее регулярно взимавшихся феодалами. Все эти повинности ложились на плечи народных масс, положение которых было тем более тяжелым, что манапы имели неограниченную власть над своими подданными, могли вмешиваться даже в семейную жизнь букары, распоряжаться имуществом бедняков и т. д

* * *

В политическом отношении Киргизия в первой половине XIX в. была раздроблена на ряд небольших политических объединений. Наиболее крупные из них существовали у племен сарыбагыш и бугу в Северной Киргизии. Так, во главе политического объединения сарыбагышей стоял старший манап этого племени Ормон Ниязбеков. Необходимо отметить, что не только он, но и все его братья были крупными манапами, эксплуататорами трудящихся киргизов. На территории, подвластной Ормону, был установлен порядок, согласно которому приезжие купцы должны были сначала заезжать в ставку Ормона, платить ему пошлину и лишь после этого они получали право вести торговлю.

Ормон ввел жестко дифференцированное законодательство. Так, манап или лицо манапского происхождения, уличенное в краже скота, наказанию не подвергалось; если же вор был простолюдином, то за одну украденную лошадь он обязан был уплатить 9 лошадей. Если у вора не было имущества, то насильственно забирался скот у его сородичей, а при нехватке скота брали в качестве штрафа жену и дочерей вора, а его самого превращали в раба.

Ормон был беспощадным эксплуататором трудящихся масс. В его личном владении находилось около 4—5 тыс. овец и до 2 тыс. лошадей. В фольклорных источниках много говорится о том, что «он драл три шкуры с букары».

Жестокость и произвол Ормона и его сыновей были безграничны. Однажды Ормон во время кочевки потерял

коген (петлистая веревка для привязи ятнят). Когда один из его же сородичей нашел этот коген и привез Ормону, последний обвинил его в воровстве и оштрафовал, обязав отдать двух дочерей вместо двух колов, вбиваемых в землю, чтобы привязать концы когена, и по барану за каждую петлю, т. е. около 300 баранов.

Политика Ормона выражала классовые интересы эксплуататоров и была направлена на угнетение народных масс. Запугиванием он стремился не только сохранить свою власть над племенами сарыбагыш и саяк, но и подчинить другие племена Северной Киргизии.

Попытку создать крупное политическое объединение в Северной Киргизии помимо Ормона Ниязбекова предпринял и бугинский манап Боронбай Бекмуратов. Источники свидетельствуют, что в то время, когда Ормон был провозглашен ханом сарыбагышей, Боронбай являлся главным правителем племени бугу и совершенно самостоятельно, без вмешательства Ормона, управлял бугинской территорией.

Таким образом, в первой половине XIX в. на севере Киргизии существовали два независимых друг от друга, относительно крупных политических объединения, напоминавших феодальные княжества. Характеризуя обстановку в Северной Киргизии, Чокан Валиханов справедливо писал, что в то время не было никакой централизации родового управления. Каждый род управлялся своим бием. Случалось, правда, что некоторые манапы приобретали главенство, как Ормон и Боронбай, но к политическому объединению всей территории это не приводило.

Все сказанное свидетельствует о том, что в первой половине XIX в. не существовало единого, а тем более централизованного государственного объединения всех киргизов. В таких условиях были неизбежными бесконечные феодальные усобицы. Между киргизскими племенами шла почти непрерывная феодально-племенная борьба, организованная манапами и отвечавшая их интересам. Крупные манапы и бии отдельных племен боролись друг с другом за власть, за сферы влияния, за господство над другими племенами, за право феодальной эксплуатации трудящихся, за обладание лучшими землями и т. д. Они организовывали нападения и «ба-

рымту»[19] на своих соседей с целью захвата их пастбищ, мест для водопоя скота, а также пленных.

П. Семенов-Тян-Шанский, непосредственно наблюдавший такую борьбу в 50-х годах XIX в., отмечал, что спор двух разных племен вначале решался биями, но окончательный приговор выносил только съезд обоих манапов с биями обоих племен. «На таких съездах весьма часто разыгрываются племенные самолюбия, и разноплеменные бии к соглашению не приходят. Тогда обиженная сторона, с помощью своих, приводит в исполнение первоначальное судебное решение силою, т. е. захватом присужденного количества скота, но при этом, разумеется, захват превышает размер судебного решения, и пострадавшее племя вознаграждает себя такою же барантою (барымта.— *А. Х.*), т. е. насильственным захватом. Дело усложняется тем, что захваты происходят не у виновных, а у кого попало, и угон стад сопровождается стычками, в которых бывают и убитые. Человеческая жизнь оценивается также в известное число баранов (свыше 100), каждое племя ведет точный счет своих потерь и продолжает баранту до тех пор, пока не находит себя по расчету потерь противника вполне вознагражденным, но [так] как полного равновесия между потерями обоих племен трудно достигнуть, то весьма часто из баранты разгорается настоящая война»[20].

Как видно из сообщений источников, такие феодальные войны между племенами Северной Киргизии были отнюдь не редкими, причем особую военную активность проявлял уже упоминавшийся Ормон. Эту междоусобную феодальную борьбу манапов киргизских племен использовало Кокандское ханство для подчинения Киргизии. Едва ли нужно доказывать, что от феодальных междоусобиц страдали прежде всего трудящиеся массы,

---

[19] Барымта — угон скота в отместку за грабеж или бытовые преступления.

[20] П. Семенов [-Тян-Шанский]. Поездка из укрепления Верного через горный перевал у Суок-тюбе и ущелье Буам к западной оконечности озера Иссык-куль в 1856 году.— «Туркестанский сборник» (сборник вырезок из газет и журналов, хранится в Ташкенте в Государственной республиканской библиотеке УзССР им. А. Навои; в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина имеется указатель к сборнику: В. И. Межов, Туркестанский сборник, СПб., 1878—1888). Т. 15, с. 136.

отнюдь не заинтересованные во враждебных отношениях между племенами.

Характернейшей чертой всей социально-экономической жизни Киргизии в первой половине XIX в. являлись, как и во всяком классовом обществе, непрерывные классовые конфликты между трудящимися массами киргизского народа и их эксплуататорами. Однако в условиях господства патриархально-феодальных отношений классовая борьба имела ряд специфических особенностей и подчас тесно переплеталась с межродовой борьбой и народно-освободительным движением против гнета Кокандского ханства.

Надо иметь в виду, что среди киргизских племен и родов имелся ряд мелких и неравноправных подразделений, находившихся в зависимости от феодалов более крупных подразделений. Так, у чуйских киргизов было немало зависимых и угнетенных родов, по-видимому захваченных в плен во время войн. Они находились в положении почти рабов. С подобным явлением мы встречаемся и в других районах Киргизии.

Классовая борьба принимала различные формы. Нередко она выражалась в общем недовольстве и протесте букары против гнета манапов, неуплате налогов, уклонении от выполнения феодальных повинностей, убийствах наиболее ненавистных манапов и т. д. Наиболее распространенной формой классовой борьбы являлись самовольные откочевки букары угнетенных родов от аилов жестоких манапов и других феодалов. Так, род чачалдак откочевал на берега Иссык-Куля, чтобы избавиться от гнета Ормона. Таких примеров в истории киргизского общества того времени встречается немало[21].

Классовая борьба трудящихся масс была стихийна и слабо развита. В ней преобладали низшие, подчас пассивные формы классового сопротивления. Но по мере усиления феодальной эксплуатации она постепенно активизировалась и, переплетаясь с народно-освободительным движением против гнета Кокандского ханства, принимала характер массовых народных выступлений.

---

[21] История классовой борьбы в Киргизии первой половины XIX в. изучена явно недостаточно, многие факты до сих пор слабо освещены. Проблема в целом ждет еще своего исследования. Поэтому здесь мы ограничиваемся лишь общей характеристикой форм и особенностей классовой борьбы этой эпохи.

Глава II

КИРГИЗИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА

Политическая история Кокандского ханства

Кокандское ханство — одно из крупных феодальных государств Средней Азии — образовалось во второй половине XVIII — начале XIX в. Его завоевательная политика, отвечавшая интересам господствовавшей в Коканде феодальной аристократии, основывалась на некотором экономическом развитии: расширении ирригации, укреплении товарно-денежных отношений, усилении экономических связей с Россией. В начале XVIII в. было образовано небольшое независимое от Бухарского эмирата владение. В середине XVIII в. Кокандское ханство рассматривали в Бухаре уже как самостоятельное государство.

При Нарбут-бие (примерно 1770—1800 гг.) владения Кокандского ханства ограничивались лишь Ферганской долиной и Ходжентом. Однако в правление Алимхана (1800—1809), сына и преемника Нарбут-бия, территория Кокандского ханства значительно расширилась. Алим-хан объединил всю Фергану, в 1808 г. завоевал Ташкент, а затем и Чимкент. Большую роль в войске Алим-хана играло собиравшееся в подвластных Коканду кочевых районах ополчение «кыл-куйрук» [1].

Жестокость Алим-хана как правителя, по сообщениям современников, «была неимоверна и доходила даже до того, что подданные лишились возможности распоряжаться своими дочерьми: хан отнимал их и распоряжался ими по своему усмотрению. Неудивительно, что

---

[1] «Кыл-куйрук» — букв. «лошадиный хвост». В данном случае воин с лошадью и снаряжением. О «кыл-куйруке» как народном ополчении см.: П. П. Иванов. Казахи и Кокандское ханство (К истории их взаимоотношений в начале XIX века).— «Записки Института востоковедения АН СССР», 1938, т. VII, с. 115.

Алим-хан пользовался всеобщей ненавистью, все просили бога послать на хана смерть»[2].

Завоевательную политику Алим-хана продолжал его брат Омар (1809—1822). При нем Кокандское ханство в 1815 г. захватило Туркестан, затем значительную часть Семиречья, вплоть до Илийской долины. После смерти Омар-хана на престол был возведен в 1822 г. его 12-летний сын Мухаммед Али (сокращенно Мадали), правивший с 1822 по 1842 г. В 1842 г. бухарский эмир Насрулла выступил в поход против Коканда и разгромил его. Город был разграблен войсками эмира, а Мадали-хан по распоряжению эмира убит. Однако через три месяца, летом 1842 г., в Коканде вспыхнуло восстание против бухарского наместника, в результате которого власть Бухары над Кокандом была свергнута. По сообщению Н. Петровского, освободителями Кокандского ханства от ига эмира были кипчаки, которые с этого времени играли первенствующую роль в ханстве[3].

Кипчакские и киргизские феодалы провозгласили ханом Коканда двоюродного брата Алим-хана — Ширали (1842—1845), жившего в Таласской долине. В фольклорных материалах, собранных нами в 1956 г., есть сведения, что Ширали жил в Талассе несколько лет во владениях Джанболот-бия в местности Коян-Токой (в районе современного Ленинполя). По тем же данным, местные феодалы Аджи-датха и Нусуп Минбаши создали в Таласской долине народное ополчение и приняли участие в разгроме бухарских войск и провозглашении ханом Ширали.

В правление Ширали-хана государственными делами фактически руководил глава кипчакских феодалов Мусулманкул, который был главнокомандующим кокандскими вооруженными силами (минбаши). В Кокандском ханстве шла непрерывная борьба за власть между узбекскими, кипчакскими и киргизскими феодальными группировками. В этой борьбе Мусулманкул одержал победу, разбив войска узбекских феодалов под предводительством Шади, который был убит во время сражения[4]. Мусулманкул сформировал кокандский гарнизон из кипчаков. На все важнейшие должности в ханстве он

[2] Там же, с. 119.
[3] «Вестник Европы», 1875, кн. 10, с. 736.
[4] «Туркестанский сборник». Т. 89, с. 333.

назначил кипчакских феодалов и сосредоточил всю власть в своих руках.

В 1845 г., когда Мусулманкул с войсками направился в район Оша для подавления вспыхнувшего там восстания киргизов, некоторые представители феодальной знати, недовольные им и Ширали-ханом, сговорившись с феодальной знатью алайских киргизов, вызвали из Ура-Тепе сына Алим-хана — Мурада, которого провозгласили ханом. Ширали был убит. Тогда Мусулманкул немедленно собрал значительные военные силы из кипчаков и двинулся на Коканд. По пути он захватил тринадцатилетнего сына Ширали — Худояра, номинально являвшегося правителем в Намангане, и провозгласил его ханом. Кипчакские отряды, захватив Коканд, заняли дворец хана и убили Мурада, правление которого продолжалось 11 дней. Кокандским ханом стал Худояр-хан (первое правление с 1845 по 1858 г.), но фактически власть находилась в руках Мусулманкула.

Когда в 1850 г. Худояр-хан достиг совершеннолетия, он стал тяготиться опекой своего тестя и регента Мусулманкула. Опираясь на узбекских феодалов Коканда, Худояр решил убить Мусулманкула и ликвидировать влияние кипчаков. Он обратился с письмом к ташкентскому беку Нурмагомету с просьбой о помощи. Нурмагомет согласился и двинул свои войска на Коканд. Мусулманкул выступил против ташкентцев, взяв с собой Худояр-хана, но последний ночью тайно перебежал в лагерь Нурмагомета. В происшедшем сражении ташкентский бек был разбит наголову. В числе пленных оказался также и Худояр, «но Мусулманкул не показал и тени недовольства на измену Худояра и по-прежнему оставил его ханом»[5].

Один из первых исследователей истории Кокандского ханства, В. Наливкин, сообщает, что Мусулманкул, будучи правителем, заменил на ответственных постах кокандцев кипчаками, что и послужило причиной недовольства кокандской узбекской феодальной аристократии, поддерживавшей Худояр-хана, стремившегося покончить с «чертовым племенем» (кипчаками)[6]. В октябре 1852 г. Худояр-хан вновь выступил против Му-

[5] Там же.

[6] В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886. с. 171—172.

сулманкула. 8 октября в районе Былкыл-Ламе произошло сражение между кипчакскими отрядами Мусулманкула и ханскими войсками. Центр ханских войск выдержал атаку кипчаков, отбил ее и погнал их к Наманган, а левый фланг кипчаков бежал. Утром 9 октября 1852 г. Худояр-хан принимал поздравления по случаю праздника — Курбан-байрама. После этой продолжительной церемонии войска ташкентского бека Нурмагомета, заранее вызванные ханом, начали избиение кипчаков: «кипчаков убивали и в домах, и на улицах, и в садах, и в мечетях»[7]. Худояр-хан приказал «стереть с лица земли всех кипчаков»[8]. Мусулманкул был пойман ханским отрядом около кишлака Уйчи (Наманганской волости) и казнен в Коканде.

В книге «Тауарих-хамса» говорится, что были разгромлены не только кипчаки, но и киргизы[9]. Было перебито несколько тысяч кипчаков, а их земли были конфискованы и проданы за полцены. В. Наливкин сообщает, что в одном только г. Балыкчи погибло не менее 1500 кипчаков, трупы которых были брошены в Сырдарью. Однако многие из кипчаков успели спастись бегством в горы к киргизам[10].

Так пало влияние кипчакских феодалов в Кокандском ханстве. Политическое господство в Коканде перешло на время к узбекским феодалам[11]. Однако борьба за власть между тремя феодальными группировками — узбекской, кипчакской и киргизской — не прекращалась. Она шла не только между феодалами различных народов, но и внутри узбекской феодальной группировки.

Так, родной брат Худояра Малля-хан был недоволен тем, что его лишили ташкентского бекства[12]. Поэтому

---

[7] История народов Узбекистана. Т. II. Ташкент, 1947, с. 173.

[8] «Туркестанский сборник». Т. 89, с. 333

[9] Имам Курбангали Халидов. Тауарих Хамса. Казань, 1910. с. 37.

[10] В. Наливкин. Краткая история..., с. 178.

[11] Н. Петровский сообщает, что с 1845 по 1852 г. в Кокандском ханстве господствовала «кипчакская партия», а с 1853 до 1858 г.— «саратская (узбекская) партия» («Вестник Европы», 1875, кн 10. с. 736).

[12] А. Кун. Некоторые сведения о Ферганской долине.— «Военный сборник», 1876, № 4, с. 422 («Туркестанский сборник». Т. 117). Худояр-хан и Малля-хан — сыновья Ширали-хана от двух жен (см. рукопись К. Мифтакова в фонде отделения общественных наук АН КиргССР, с. 61).

он принял участие в оппозиции против Худояр-хана. В 1858 г. при Саманчи произошло крупное сражение между войсками Худояр-хана и Малля-хана, в котором силы Худояра были разбиты, а он сам бежал в Бухару. Власть перешла к Малля-хану (1858—1862), провозглашенному ханом кипчакскими и киргизскими феодалами.

По сообщению М. А. Терентьева, Малля-хан велел кокандцам, купившим кипчакские земли, возвратить кипчакам половину земли, так как кокандцы заплатили только половину цены, а затем возвратить и вторую половину земли, когда им уплатят полную ее стоимость. Это создало путаницу в земельных отношениях, которая не была урегулирована даже после ликвидации Кокандского ханства [13].

При возведении Малля-хана на престол кипчакская знать рассчитывала занять при дворе видное место и играть главную роль в управлении, но ее надежды не осуществились. Источники свидетельствуют, что «Малля-хан, не доверяя кипчакам, освобождает их от занимаемых должностей и заменяет сартами (узбеками.— *А. Х.*). Это усиливало недовольство кипчаков и киргизов ханом. Летом 1860 г. был слух о поголовном восстании киргизов и кипчаков» [14]. Только правитель алайских киргизов Алимбек-датха был некоторое время визирем Кокандского ханства. Пользуясь первое время значительным влиянием, он назначал на должности хакимов и начальников кокандских войск представителей киргизских феодалов. Однако в дальнейшем взаимоотношения Алимбека с ханом испортились. В июле 1861 г. начальник Алатовского округа сообщал командиру Сибирского корпуса, что «известие о враждебных отношениях... Алимбека к Малля-хану подтверждается» [15].

В марте 1862 г. при участии Алимбека был организован очередной дворцовый переворот. Непосредственным толчком к перевороту послужила казнь 20 придворных (18 таджиков и 2 узбека), обвиненных правителем Ташкента Канат-Ша в тайных сношениях с бывшим ханом Худояром, находившимся в Бухаре. Заговорщики,

---

[13] М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии. Т. II. СПб., 1906, с. 326.

[14] Архив внешней политики России, Главный архив, ф. 1—9, 1852—1868 гг., Аз. департамент, д. 8, л. 22.

[15] ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 25, 1861, с. 94.

ворвавшись ночью во дворец, убили Малля-хана, провозгласив ханом 14-летнего родственника Малля-хана — Шамурада, а регентом — Алимкула [16].

Вскоре зачинщик заговора Алимбек был задушен заговорщиками за то, что он приблизил к себе только одного Алимкула [17].

Против Шамурада выступил Худояр-хан, поддержанный правителями Ташкента. Из Андижана навстречу наступавшему Худояру двинулся Алимкул, который собрал большое кипчакское и киргизское ополчение [18]. Силы Худояра были разбиты соединенными войсками Алимкула и Шамурад-хана. Однако союзник Худояра бухарский эмир Музафар захватил и разграбил Коканд. После ухода бухарских войск столицу тотчас же занял Алимкул, но эмир вернулся, и Алимкул вынужден был бежать в горы. Эмир объявил о присоединении Кокандского ханства к Бухаре, а Худояру отдал Ташкент.

Но борьба на этом не закончилась. Когда бухарские войска ушли в Самарканд, Алимкул снова вернулся в Коканд, объявил ханом Султан-Сеида, несовершеннолетнего сына убитого Малля-хана, а сам снова стал регентом Кокандского ханства. Командир Сибирского корпуса в своем донесении военному министру от 4 января 1864 г. писал об усилении влияния кипчаков в ханстве: «Бывшие правители из кокандцев (узбеков.— *А. Х.*) замещаются исподволь кипчаками и дикокаменными киргизами. Должность регента над малолетним ханом Султан-Сеидом занимает мулла Алимкул. Старинный дворец хана, находившийся в центре Коканда, по распоряжению Алимкула уничтожен, а взамен его построен и укреплен другой за чертой города. Это сделано, чтобы не подвергаться внезапному нападению со стороны городского населения, мало сочувствовавшего новому хану» [19].

Между тем Худояр-хан не терял надежды вернуть се-

---

[16] А. Кун. Некоторые сведения о Ферганской долине, с. 422 («Туркестанский сборник». Т. 117); В. Наливкин. Краткая история..., с. 193.

[17] «Туркестанский сборник». Т. 89, с. 333. В фольклорном материале говорится, что Алимбек был убит Чодон-батыром (фонд отделения общественных наук АН КиргССР, инв. № 128, с. 256).

[18] «*Вестник Европы*», 1875, *кн.* 10, с. 739.

[19] ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 27, док. I (В данное время называется ЦГА УзССР, ф. И. 715. В работе используем старые названия.— *А. Х.*).

бе власть. Он вновь обратился к бухарскому эмиру за помощью. Эмир повел свою армию в Коканд и вместе с отрядом Худояра осадил войска Алимкула в ущелье Кара-Кульджа. Однако, простояв здесь долгое время и ничего не добившись, он возвратился в Бухару. Против Худояр-хана выступили исфаринские и учкурганские киргизы. Лишившись бухарской военной поддержки, оставленный почти всеми своими приверженцами, Худояр вторично бежал в Бухару, а Алимкул без труда вернул себе Коканд [20].

В это время Алимкул получил известие, что царские войска с двух сторон идут на Чимкент. 22 июня 1864 г. он выступил против них из Коканда. При защите Ташкента от царских войск Алимкул был смертельно ранен. В это же время Султан-Сеид, направившийся накануне штурма Ташкента в Бухару по приглашению эмира, был зарезан в Джизаке по приказу последнего. Бежавшие из-под Ташкента кипчакские военные силы Алимкула провозгласили кокандским ханом одного из представителей династии Минг — Худайкула, опустившегося к тому времени до простого лавочника, торговавшего кушаками. В дальнейшем его прозвали Бельбакчи-ханом (бельбак — кушак, бельбакчи — кушачник). Но правление Худайкула было кратковременным. В том же 1864 г. бухарский эмир в третий раз восстановил Худояра на кокандском престоле, и тот правил до 1875 г.

Как видно из этого краткого очерка, политическая жизнь Кокандского ханства отличалась крайней неустойчивостью. Непрерывная борьба феодальных группировок за власть, осложнявшаяся межнациональными противоречиями и приводившая к частой смене ханов, огромное влияние армии и придворных кругов на политическую жизнь свидетельствовали об отсутствии в ханстве внутреннего единства.

Важную роль в центральном и местном управлении играл назначаемый непосредственно ханом правитель Ташкента, носивший титул беклярбеги (бек беков). Из крупных феодалов назначались и беки, стоявшие во главе 15 бекств, или округов, на которые делилось в середине XIX в. Кокандское ханство. В числе этих ок-

---

[20] А. Кун. Некоторые сведения о Ферганской долине, с. 423—424.

ругов были город Коканд, бекства Маргеланское, Шадиханское, Андижанское, Наманганское, Сугское, Махрамское, Булакбашинское, Балыкчинское, Чаартакское, Наукатское, Касанское и др. Беки, особенно ташкентский беклярбеги, обладали огромной властью, почти бесконтрольно распоряжались вверенной им территорией и нередко выступали против хана и центрального кокандского правительства. Под оболочкой внешнего единства по сути дела сохранялась не преодоленная до конца феодальная раздробленность. Хотя власть хана носила деспотический характер, однако сам он нередко был лишь игрушкой в руках боровшихся за власть крупных феодалов.

От произвола феодалов и беспрерывных феодальных междоусобиц в первую очередь страдали широкие трудящиеся массы киргизов, кипчаков и узбеков. В их среде нарастала ненависть к своим угнетателям — кокандским ханам и феодальной аристократии.

Кокандское ханство было отсталым многонациональным феодальным государством. На его территории проживали узбеки, таджики, киргизы, кипчаки и часть казахов старшего жуза, подвергавшиеся жестокой эксплуатации со стороны как «своих» феодалов, так и ханской власти, защищавшей интересы эксплуататоров. Узбеки, киргизы и другие угнетенные народы ненавидели кокандских ханов и феодалов. Классовая ненависть к кокандским ханам привела трудящееся население в первой половине 70-х годов XIX в. к всеобщему народному восстанию.

Завоевание Киргизии Кокандским ханством

Завоевание Киргизии Кокандским ханством было связано с расширением торговых оборотов кокандского купечества с Восточным Туркестаном. Торговые пути в Восточный Туркестан шли через Киргизию, и правители Кокандского ханства стремились установить свой контроль над этими путями, а заодно использовать Киргизию как рынок сбыта, источник скотоводческого сырья и больших доходов, складывавшихся из обложения населения различными податями и сборами. Кокандские товары поступали в Киргизию и далее в Восточный Туркестан по двум основным дорогам: одна из них шла

из Ферганской долины через Кугартский перевал, Тогуз-Тороо, Сумамыр, Джумгал, Кочкор, Ат-Баши и Нарын, другая проходила из Ташкента через Чимкент, Аулие-Ату (ныне г. Джамбул) на Пишпек, Токмак и далее на Иссык-Куль. Именно по этим торговым путям и шло завоевание Киргизии Кокандским ханством.

Уже при Омар-хане таласские киргизы и часть чуйских киргизов были присоединены к Кокандскому ханству. Другая часть чуйских киргизов в количестве 300 юрт, продолжая сопротивление кокандским завоевателям, откочевала на восток. Кокандские войска преследовали откочевавших киргизов. В районе Иссык-Ата произошло столкновение между кокандцами и киргизами, в ходе которого кокандские войска одержали победу и взяли в плен главу племени солто — Каная.

В начале 1821 г. Омар-хан направил свои войска в Кетмень-Тюбе для покорения киргизских родов, живших в этом районе. Кокандский отряд ночью внезапно напал на это укрепление, ограбил население в долине Узун-Ахмата, захватил много пленных и вернулся в Коканд.

В конце лета того же года Омар-хану подали жалобу кокандские купцы, ведшие торговлю с Кашгаром. Купцы утверждали, что киргизы племени сарыбагыш ежегодно грабят их на большой дороге за г. Ошем. По приказу хана против сарыбагышей были посланы значительные силы во главе с Бек-Назар-бием, который получил приказание сначала возвратить все награбленные у купцов ценности, а затем разграбить ближайших к дороге сарыбагышей. На помощь Бек-Назар-бию были отправлены ханские войска. Произведя страшные грабежи и убийства, не щадя женщин и детей, забрав большую добычу (главным образом скот) и много пленных, Бек-Назар-бий вернулся в Коканд.

Подчинение Киргизии Кокандским ханством особенно активизировалось в 20—30-х годах XIX в., в правление Мадали-хана, когда были завоеваны значительные территории, населенные казахами и киргизами. Хорошо известно, что в это время Кокандское ханство на юге расширило свои границы до Джизака, на западе — за г. Туркестан, на севере подчинило себе всех киргизов, распространило свою власть до оз. Балхаш и р. Или, а на востоке имело сильное влияние на Кашгар. Для обо-

роны новых границ, защиты торговых караванов и удержания киргизов под своей властью кокандские правители построили на завоеванных территориях ряд укреплений, например: Куртку, Тогуз-Торо, Джумгал, Сусамыр и Кочкор — на Тянь-Шане; Пишпек, Токмак, Аксу, Чалдовар, Карабалты — в Чуйской долине; Мерке, Аулие-Ата — на территории казахов старшего жуза; Бустан-Терек, Таш-Курган — на Памире; Акбебет — на Таласе; Тон, Жаргылчак, Тамга, Барскоон — на берегу оз. Иссык-Куль. Каждая кокандская крепость являлась одновременно местом сосредоточения товаров кокандских купцов. Прочные крепостные стены и сильные гарнизоны гарантировали сохранность товаров. Кокандские военные власти поощряли переселение в Киргизию кокандцев — как правило узбеков. Это были по преимуществу торговцы и ремесленники, которые первоначально селились вместе с гарнизоном внутри укреплений, но со временем стали создавать поселения вокруг крепостей, заводить пашни, разводить фруктовые сады и т. д. К середине XIX в. в окрестностях Тогуз-Торо, Джумгала, Аксу и Карабалты насчитывалось до 100 дворов в каждом укреплении, в Токмаке — 200, в Куртке — до 400, а в окрестностях Пишпека — около 1000 дворов кокандцев — узбеков по национальности.

Известное представление о характере кокандских укреплений дают сохранившиеся описания крепостей Пишпек, Куртка и Токмак.

Укрепление Пишпек было основано в 1825 г.[21]. Согласно легенде, на этом месте ранее был похоронен один из потомков Джоочалыша из племени солто, по имени Пишпек (пишпек — палочка, которой взбалтывается кумыс), которому был поставлен памятник. Поэтому основанное здесь кокандское укрепление киргизы также назвали Пишпеком.

По описанию, подготовленному в 1860 г. русскими военными топографами, Пишпек состоял из двух укреплений — наружного и внутреннего, имевших очертания редутов с расположенными в углах башнями. Крепостные стены были построены из саманного кирпича. Размеры наружного укрепления, по словам автора описа-

---

[21] Описание военных действий в Заилийском крае в 1860 г. и журнал осады крепости Пишпек. СПб., 1861, с. 18.

ния, составляли: «длина по фасу от 60 до 65 саж., высота до 14 футов, толщина внизу до 12, вверху до 6 футов». Внутреннее укрепление — цитадель — занимало восточную половину наружного, «высота стены его до 21 фута». Между внутренним и внешним укреплениями были расположены казармы и частные дома, в цитадели помещались комендант, его правление, казначейство и пороховой склад. К 1860 г. гарнизон Пишпека состоял из 150—170 человек при пяти небольших пушках без лафетов, перевозимых на тележных передках и прикрепляемых ремнями. В военное время гарнизон Пишпека доходил до 700 человек[22]. Коменданту Пишпека были подчинены укрепления Аксу и Токмак.

По описанию, Токмак представлял собою четырехугольник «длиной с юга на север до 75 сажен, шириной с запада на восток — 30 сажен», с зубчатыми саманными стенами высотой 3,5—4 аршина.

Укрепление Куртка было основано в 1832 г. в местности Айгыр-Джал (ныне Акталинский район). По сообщению Ч. Валиханова, «укрепление Куртка стоит на правом берегу Нарына, имеет поперечник в 200 сажен, окружено с трех сторон стеной, а четвертая упирается в крутой берег. Высота стен около 3 сажен, ширина до 2 аршин, с восточной стороны пробиты в стене главные ворота, а с северной — другие». В середине XIX в. в укреплении Куртка было около 200 человек сипаев, «набранных из андижанских киргизов, кокандцев же не более 50 человек»[23].

Крепости Пишпек и Куртка были основными опорными пунктами кокандской власти над киргизским населением Чуйской долины и Тянь-Шаня. По их образцу были построены и другие кокандские укрепления, имевшие, однако, меньшее военное и административное значение.

Кочевое киргизское население в зависимости от района кочевок было приписано к кокандским округам (бекствам) — Маргеланскому, Ошскому, Андижанскому и Ташкентскому. Киргизы, которые кочевали в Ферганской долине, вносили налоги правителям ближайших к району кочевья городов. Киргизы, кочевавшие в нагорье

---

[22] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 46326, 1860, лл. 373—375.
[23] «Записки ИРГО», 1904, т. XXIX, с. 385.

Сырт и по р. Нарын, подчинялись андижанскому наместнику (беку), который возглавлял укрепления Куртка, Тогуз-Тороо и Джумгал. К Андижанскому бекству были приписаны в административном отношении и алайские киргизы. Киргизы Чуйской и Таласской долин подчинялись ташкентскому наместнику, который управлял ими, опираясь на укрепления Чулак-Курган, Аулие-Ата, Соли-Корган, Мерке, Пишпек и Токмак. Южные киргизы подчинялись правителям укреплений Бустан-Терек и Таш-Курган на Памире. Для сбора зякета в их улусы приезжали то маргеланские, то ошские сборщики налога. Следует заметить, что это административное деление не было устойчивым и нередко менялось как в связи с перекочевками киргизов, так и в результате распоряжений хана. В 1860 г., например, два западных укрепления — Сузак и Чолок-Курган — были подчинены туркестанскому беку; ташкентский наместник управлял в то время шестью укреплениями в Чуйской долине — Аулие-Ата, Мерке, Ит-Кечу, Аксу, Пишпек, Токмак.

Степень зависимости разных киргизских районов от власти кокандских ханов была неодинаковой. Ч. Валиханов, хорошо знавший положение дел в Кокандском ханстве, отмечал, что по отношению к Коканду киргизов можно разделить на подданных Коканда и не признававших его власти. К первой категории относилось подавляющее большинство киргизов, живших в Южной Киргизии: трудящиеся массы этих районов с наибольшей полнотой испытывали социальный и национальный гнет кокандских ханов. На севере Киргизии кокандская власть была слабее; более всего она проявлялась в Чуйской и Таласской долинах, в наименьшей степени — в отдаленных горных районах. Сознавая это, кокандские правители на севере Киргизии опирались прежде всего на военную силу.

Непосредственное управление киргизами осуществлялось через правителей (датхи), которые одновременно являлись комендантами крупных крепостей. На должность датхи назначались кокандские чиновники, а иногда и киргизские феодалы. Для разрешения споров между племенами и родами Чуйской долины в Пишпеке ежегодно собирался съезд манапов под руководством пишпекского датхи, который имел неограниченное право утверждать и отменять решения съезда манапов. Такие

же съезды собирались в Куртке и некоторых других крепостях. Для устрашения киргизского народа в Пишпеке, Токмаке и других укреплениях были построены зинданы (тюрьмы-колодцы). Чтобы укрепить господство Кокандского ханства, коменданты крепостей поддерживали также постоянную вражду между киргизскими феодалами.

Киргизский народ оказался под двойным гнетом — своих манапов и кокандских ханов. Кокандское управление заключалось главным образом в сборе налогов, для чего датхи и беки вели именной счет манапов с обозначением, сколько у каждого манапа букары и сколько скота. Каждая явка к правителю влекла за собой подношения; кроме того, правители получали и одну треть с судебных штрафов[24]. На первых порах киргизы платили Кокандскому ханству в основном три вида податей: тонлюк-зякет — по овце с юрты, алал-зякет — по одной голове с 50 голов скота и харадж — с земледельцев. Кроме того, время от времени взималась военная подать в размере одной тилли (золотой монеты) или трех баранов с юрты[25]. Иссык-кульские киргизы выплачивали зякет по одной голове с 40 штук скота.

Тяжкой повинностью для населения Южной Киргизии и Таласской долины был также обязательный набор мужского населения в ханскую армию. В первой половине XIX в. и позже, особенно во время борьбы за власть между феодальными группировками, а также во время войн с Хивой и Бухарой, Кокандское ханство призывало мужское население кочевых районов в ополчение под названием «кыл-куйрук», которое вынуждено было не только защищать на поле брани интересы своих угнетателей, но и вести оборонительную войну против внешних завоевателей[26].

В период кокандского господства киргизские акыны

---

[24] А. Талызин. Пишпекский уезд.— «Памятная книжка Семиреченского статистического областного комитета за 1898 г.». Т. II. Верный, 1898, с. 29—30.

[25] В. Бартольд. Киргизы (исторический очерк). Фрунзе, 1927, с. 52. Венюков, указав на три упомянутых вида налога, пишет, что зякет взимался по расчету — один баран из 50, а иногда из 40 и даже 20 баранов (см. М. Венюков. Очерки Заилийского края и Причуйской страны, с. 112).

[26] В середине 70-х годов XIX в. народное ополчение кочевых киргизов и кипчаков выступало против Кокандского ханства.

сложили песни, характеризовавшие безрадостную жизнь своего народа. В одной из них говорилось:

Тегереги кыргыздын
Темирден тарткан тор болду,
Тушкон жери кыргыздын,
Кырк кулач терен ор болду.

Аргымагын кекейтип,
Кок кепичин тепейтип,
Кокондуктун кордугу,
Откоро отту зордугу [27].

Произвол и насилия кокандских властей были безграничны.

Кокандское завоевание принесло трудящимся массам тяжелый феодальный гнет и нищету. Оно закрепляло экономическую и культурную отсталость населения. Это было тяжелое и мучительное время для киргизского народа. Не удивительно, что он на протяжении ряда лет вел непрерывную освободительную борьбу против гнета Кокандского ханства.

Борьба киргизского народа против гнета кокандцев в 30—50-х годах XIX в.

Народно-освободительные восстания киргизского народа против военно-феодального гнета Кокандского ханства имели место уже в первые годы кокандского владычества, но особый размах они получили в 30—50-е годы XIX в. Одно из первых восстаний произошло в 1832 г. под руководством Тайлака. Некоторые сведения об этом движении мы находим у Ч. Валиханова, по сообщению которого весной 1831 г. кокандцы начали войну с нарынскими киргизами. Кокандский полководец Как-Кулы с отрядом в 7 тыс. человек в 1832 г. разбил племя саяков в верховьях Нарына; их предводителей Атантая и его брата Тайлака он взял в плен и привез в Коканд, а киргизские племена обложил большой данью. Атантай и Тайлак, не желая подчиняться кокандцам, после освобождения из плена откочевали на Или к казахам Боль-

[27] Перевод:
Киргизы окружены железными сетками,
Киргизов начали сажать в 40-саженные колодцы.
Нетерпимы стали кокандские насилия и
Оскорбления над киргизами.
Записано автором у киргизских сказителей.

шой Орды, однако, разграбленные казахами, возвратились на родовые кочевья[28] и продолжали борьбу против кокандского гнета, оказав решительное сопротивление налоговой политике кокандцев.

Более подробные сообщения о борьбе Тайлака имеются в записях фольклорного материала и в поэме А. Чоробаева «Тайлак батыр». А. Чоробаев называет Атантая и Тайлака батырами, которые вели борьбу против кокандского владычества.

Атантай, Тайлак деген батыр болгон,
Алардын жердегени Какыр-Коргон[29].
Ал кезде кокон каны сурак кылып,
Кыргыздан кыйласынан канын соргон[30].

Анализ источников позволяет более или менее подробно восстановить ход событий. Тайлак происходил из рода чоро племени саяк. Кокандская власть в этом районе установилась еще в детские годы Тайлака. Оплотом ее было укрепление Куртка, где в то время стояло около тысячи кокандских сарбазов. Киргизы платили коменданту Куртки различные налоги, в том числе улфан — один мешок пшеницы из десяти мешков и зякет — два барана из 80. Кроме этих поборов кокандский комендант крепости Куртка брал у киргизов лучших лошадей — «жоргоат» (иноходец) — и т. д. Тайлак призывал народ не платить зякет кокандским чиновникам. В своей поэме А. Чоробаев следующим образом излагает речь Тайлака, с которой он выступил в защиту киргизского народа, против насилий кокандских чиновников:

Элдин барын чогултун
Эрте кабар кылайын,
Кок чапандуу кокондун
Коодонуно чыгайын,
Бектер менен желдеттин
Бейбаштыгын тыяйнын[31].

---

[28] «Записки ИРГО», 1904, т. XXIX, с. 136, 385.

[29] Какыр-Коргон — укрепление Куртка.

[30] А. Чоробаев. Тайлак батыр (поэма). Кн. I. Хранится в фонде отделения общественных наук АН КиргССР, инв. I, с. 1.

Перевод:

Атантай и Тайлак были батырами.
Они жили около крепости Какыр-Коргон,
Тогда правил киргизами кокандский хан,
Который киргизскую кровь сосал.

[31] Перевод: «Надо поднимать народ для борьбы с насилием, жестокостью и произволом кокандских чиновников над киргизами».

По-видимому, агитация Тайлака и глухие волнения среди нарынских киргизов вызвали военные действия кокандцев, о которых сообщает Ч. Валиханов. В дальнейшем волнения приняли еще более широкий размах и вылились в открытое восстание. При этом важно заметить, что киргизы под начальством Тайлака боролись не против узбекского народа, а против гнета Кокандского ханства.

Встревоженный действиями Тайлака, начальник гарнизона Куртки сообщил кокандскому хану, что Тайлак запретил киргизам платить зякет и начал убивать сборщиков налога. В район Куртки был послан карательный отряд из 500 человек под начальством Арап-батыра для наказания непокорных киргизов и поимки Тайлака. Этот отряд двигался через Кугартский перевал и Тогуз-Тороо, где находились разведчики Тайлака, которые и сообщили ему о приближении войск врага. Тайлак приготовился к отпору в районе Тогуз-Тороо, в местности Быча. Между наступавшим кокандским отрядом и выступившим ему навстречу киргизским ополчением произошло сражение, в котором киргизы одержали победу. Разбитые кокандские войска разбежались. На поле боя, по некоторым данным, было подобрано до 400 трупов кокандских сарбазов. Тайлак неотступно преследовал убегавшего предводителя кокандцев и, догнав его в Джумбеле, нанес ему смертельный удар. Место гибели последнего получило впоследствии название «Араптын бели» (перевал Арапа).

После победы Тайлак занял Куртку и захватил в плен 60 кокандских чиновников. Трех из них он послал в Коканд для передачи требования восставших киргизов: «Ваши чиновники разорили киргизов разными поборами: брали у нас лошадей и верблюдов, брали у нас зякет и улфан. Кокандские чиновники не оставили наших драгоценных вещей, забрали наше золото, серебро и ценные звериные шкуры. Кроме того, забрали красивых девушек. Просим возвратить перечисленные ценности. Если не вернете,. то будут уничтожены все пленные кокандские чиновники».

В фольклорных материалах говорится, что кокандский хан после получения такого требования возвратил многих киргизских девушек, находившихся в Кокандском ханстве. Во всяком случае, ясно, что восстание на-

рынских киргизов под руководством Тайлака на первых порах имело определенный успех. Однако кокандский хан не собирался с этим мириться. К Тайлаку был тайно подослан кокандский агент под видом лекаря, который отравил народного предводителя.

Воспользовавшись гибелью Тайлака, кокандский хан дважды посылал для покорения нарынских киргизов специальные отряды, которые восстановили разрушенное Тайлаком укрепление Куртка и подчинили всех нарынских киргизов Кокандскому ханству. Таким образом восстание было подавлено. Вместе с тем кокандские власти сделали все, чтобы привлечь на свою сторону сына Тайлака Осмона, которому в момент гибели отца было всего 13 лет. Валиханов писал, что Осмону были сделаны богатые подарки и присвоен титул «датха» (губернатор провинции) [32]. Очевидно, кокандский хан стремился при помощи Осмона удержать нарынских киргизов в покорности. Валиханов сообщал далее, что курткинский комендант «Мамразык возвысил Осмона, вступил с ним в родство для того, чтобы посредством его наказывать других киргизов. Он называет Осмона понсадом (полковником) и датхой, что очень льстит честолюбию этого киргиза. Осмон содержит 500 человек, постоянно готовых к услугам коменданта» [33].

В 1843 г. восстали против Кокандского ханства иссык-кульские киргизы. Воспользовавшись убийством кокандского хана Мадали и вспыхнувшей после этого борьбой за власть, они выгнали кокандских захватчиков из небольших укреплений, построенных на речках Каракол, Барскоон и Конур-Олон. В каждой из этих крепостей стояли небольшие гарнизоны — от 40 до 60 человек, которые охраняли торговые караваны и содействовали чиновникам в сборе зякета. Кокандцы не смогли сопротивляться восставшим. После изгнания кокандских чиновников иссык-кульские киргизы считали себя независимыми. Власть кокандского хана в этом районе временно была уничтожена.

В 1845 г. произошло восстание против кокандской власти южных киргизов в районе Оша, но оно было подавлено ханскими войсками во главе с Мусулманкулом.

---

[32] См.: «Записки ИРГО», 1904, т. XXIX, с. 384.
[33] Там же, с. 387.

По данным В. Наливкина, Мусулманкул отправился в Ош с большим отрядом, разгромил восставших киргизов, захватил пленных и отослал их с большим конвоем в Коканд, а сам остался в Оше, продолжая свирепую расправу с повстанцами.

В 40—50-х годах XIX в. происходил целый ряд волнений также и среди киргизов, обитавших на Тянь-Шане.

После смерти Тайлака и подавления руководимого им восстания борьба нарынских киргизов против кокандского владычества не прекратилась, а в конце 40-х годов XIX в. разгорелась с новой силой. Нарынские киргизы неоднократно восставали против курткинского коменданта и несколько раз осаждали Куртку. Поэтому курткинский комендант Мамразык проводил осторожную политику и стремился привлечь манапов на свою сторону, что было сделано, например, в отношении сына Тайлака — Осмона. Однако это ему не всегда удавалось. Так, племя чериков постоянно оказывало сопротивление властям Куртки. Кокандским ильбеги (чиновником) в этом племени был некий Асанбай, который должен был быть «посредником в тяжебных делах и собирать с виновных штраф в пользу казны»[34]. Однако, по словам Ч. Валиханова, Асанбай-ильбеги боялся чериков, которые просили у кокандского хана разрешения основать укрепление в своих кочевьях на р. Ат-Баши и сделать их независимыми от курткинского коменданта. Часть племени черик во главе с Турдуке вообще отказалась платить зякет курткинским властям. Вследствие этого Мамразык в течение двух лет обращался к андижанскому наместнику с просьбой прислать карательный отряд в 700 человек, который так и не был прислан[35].

Два года продолжалось освободительное движение тянь-шаньских бугинцев (тынымсеитов) под руководством Табылды-батыра. Восставшие киргизы не платили Кокандскому ханству зякет. Чокан Валиханов, посетивший аил Табылды в 1858—1859 гг., сообщал, что Табылды имел отряд джигитов, постоянно готовых к набегу или к защите от внешних врагов. Нарынские бугинцы, ведя освободительную борьбу против Кокандского хан-

[34] Там же, с. 382.
[35] Там же, с. 382—383.

ства, откочевали на плато Таргай. Валиханов утверждал, что Табылды рассказывал о своем желании ехать в Верный, чтобы просить покровительства русских. «Вообще тянь-шаньские бугу,— писал Ч. Валиханов,— много говорили, расспрашивали об условиях русского подданства и, как кажется, готовы последовать примеру... иссык-кульских родовичей, но не находят случая»[36].

В 1857 г. вспыхнуло общее восстание киргизов и казахов в окрестностях укрепления Аулие-Аты. В марте 1857 г. правитель Ташкента Мирза-Ахмед вступил с 3 тыс. воинов в Аулие-Ату для насильственного сбора податей с аулие-атинских казахов и таласских киргизов, кочевавших в этом районе.

О жестокости и произволе кокандских сборщиков податей, посланных Мирза-Ахмедом, командующий Сырдарьинской линией сообщал в донесении оренбургскому генерал-губернатору: «Мирза-Ахмед выслал своих зякетчиков в каждый род и каждое отделение, дав им команду по 100 и по 200 человек, эти зякетчики простерли свою дерзость до того, что назначили подать по одной тилле за каждую взрослую девочку, при этом разным бесчинствам не было конца. Так, например, зякетчики свидетельствовали всех женщин и по грудям узнавали, замужем ли она или девица»[37]. Бесчинства и насилия кокандских сборщиков налогов послужили непосредственным толчком к выступлению. Восстание охватило всю Чуйскую долину. Объединенные отряды киргизов и казахов, разбив кокандцев под Пишпеком, двинулись к Аулие-Ате и осадили крепость, где находился Мирза-Ахмед, просивший подкреплений от кокандского хана. Из столицы Коканда было послано большое войско. Узнав о его приближении, восставшие сняли осаду Аулие-Аты и разошлись по своим аилам. Но кокандцы жестоко расправились с ними, а их руководителей казнили.

Бесчинства и жестокость кокандских сборщиков налогов в 50—60-х годах XIX в. вызывали острую ненависть народных масс киргизов, кипчаков, узбеков и таджиков к кокандскому хану Худояру.

---

[36] Там же, с. 390.
[37] ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 19, док. 130.

В период господства Кокандского ханства в Киргизии усиленно распространялся ислам, который приводил к еще большей эксплуатации народных масс.

Как уже говорилось, в ходе освободительной борьбы происходило классовое сближение трудящихся киргизов и узбеков и их взаимное культурное влияние. Это особенно проявилось во время волнений и восстаний, вспыхнувших на юге Киргизии в начале 70-х годов XIX в. Так, началось оседание кочевых киргизов на юге. Бедняки оставались жить на берегах рек и стали заниматься земледелием. У узбекского народа киргизы научились заниматься садоводством (разведением винограда, яблонь и других садовых культур). В свою очередь, скотоводческое хозяйство киргизов оказывало положительное влияние на развитие узбекского скотоводства. Узбеки перенимали у киргизов богатый животноводческий опыт.

До середины XIX в. грамотных киргизов было очень мало. Как сообщает М. Венюков, на тысячу человек приходился один грамотный[38]. Приезжавшие из Ташкента муллы учили киргизских детей читать, но преимущественно коран. Некоторые киргизы посылали своих детей для обучения в казахский старший жуз к татарским и казахским муллам.

Народно-освободительное движение киргизского народа в 30—50-х годах XIX в. ослабило мощь Кокандского ханства. Стараясь избавиться от его владычества, киргизский народ надеялся на помощь России.

Вхождение Северной Киргизии в состав России

Прежде чем осветить вхождение Северной Киргизии в состав России, необходимо вкратце остановиться на причинах и формах присоединения среднеазиатских ханств к России.

Советская историческая наука связывает присоединение Средней Азии к России с развитием капитализма в России вглубь и вширь во второй половине XIX в. Развивающийся капитализм требовал новых рынков

---

[38] М. Венюков. Очерки Заилийского края и Причуйской страны.— «Записки ИРГО», 1861, кн. 3—4, с. 114.

сбыта, источников сырья и источников государственных доходов. В. И. Ленин в 1899 г. писал, что развитому капитализму свойственно «могучее стремление... расшириться на другие территории, заселить и распахать новые части света, образовать колонии, втянуть дикие племена в водоворот мирового капитализма. В России это последнее стремление капитализма особенно рельефно сказалось и продолжает сказываться на наших окраинах, колонизация которых получила такой громадный толчок в пореформенный, капиталистический период русской истории. Юг и юго-восток Европейской России, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь служат как бы колониями русского капитализма и обеспечивают ему громадное развитие не только вглубь, но и вширь»[39].

До завоевания Средней Азии Россией торговые сношения со среднеазиатскими государствами осуществлялись через Оренбургский край и Западную Сибирь. Созданные в связи с продвижением России в Среднюю Азию две военные линии — Сибирская и Сырдарьинская — были тесно связаны именно с этими торговыми пунктами.

Русские торговцы привозили из России в Среднюю Азию ситцы, кожу, железные изделия и другие промышленные товары, получая взамен скот, сельскохозяйственное сырье (шелк, хлопок, верблюжью шерсть, козий пух, сайгачьи рога, кожсырье, мерлушки) и различные фрукты[40]. Часть этого сырья возвращалась в Среднюю Азию в обработанном на русских промышленных предприятиях виде. В свою очередь, и народы Средней Азии были также заинтересованы в развитии торговых связей с Россией.

Именно экономические причины — развитие русской торговли с Восточным Туркестаном и Средней Азией и связанное с этим стремление обеспечить свободный проход русских торговых караванов через территории северных киргизов и казахов старшего жуза — обусловили настойчивое продвижение России в глубь Казахстана и в Северную Киргизию еще в первой половине XIX в.

---

[39] В. И. Ленин. Еще к вопросу о теории реализации.— Т. 4, с. 86.

[40] П. И. Небольсин. Очерки торговли России со Средней Азией.— «Записки ИРГО», 1855, кн. 10, с. 295.

В 1839 г. министр иностранных дел России Нессельроде в наставлении приставу казахского старшего жуза подчеркивал значение перехода в подданство России иссык-кульских киргизов (племени бугу), поскольку через их территорию проходил важный торговый путь в Кашгар. Примечательно, что в «Сведениях о киргизах» (1851 г.) также подчеркивалось значение Северной Киргизии как района, через который идут главные караванные пути в Кашгар и Коканд, и сообщалось, в частности, что для охраны этих путей на правом берегу р. Джуки главным манапом бугу Боромбаем Бекмуратовым построена в 1843 г. крепость Кызыл-Унгур [41]. Боромбай покровительствовал русским купцам и поддерживал торговые связи России с Киргизией.

Заинтересованность царизма в развитии среднеазиатской торговли особенно возросла в 60-х годах XIX в., когда развитие хлопчатобумажной промышленности в России потребовало дополнительных рынков сбыта и источников сырья, особенно хлопка, крупным поставщиком которого была Средняя Азия.

Таким образом, развитие капитализма в России привело к усилению колониальной политики царизма в Средней Азии. Н. А. Халфин прав, утверждая, что «анализ сложившейся в 60—70-х годах XIX в. обстановки убеждает нас в том, что среди экономических и политических причин, обусловивших продвижение Российской империи в Среднюю Азию, бесспорно, доминировали экономические» [42].

Существовали две формы присоединения народов Средней Азии к России: завоевание и мирное вхождение в состав России. Среднеазиатские ханства — Кокандское, Хивинское и Бухарское — были завоеваны царскими войсками. В «Истории Узбекской ССР» говорится, что «царизму удалось разбить поодиночке узбекские ханства и присоединить их к царской России насильственно после длительной и упорной борьбы» [43].

---

[41] «Записки ИРГО», 1851, кн. 5, с. 151.

[42] Н. А. Халфин. О движущих мотивах политики России в Средней Азии (60—70-е годы XIX в.).— «История СССР», 1972, № 4, с. 135; он же. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М., 1974.

[43] История Узбекской ССР. Т. II. Ташкент, 1968, с. 38.

Киргизский народ, страдая не только от жестокого феодального гнета Кокандского ханства, но и от внутренней феодальной междоусобицы, надеялся получить защиту со стороны России. Установление связи киргизов с Россией отмечается в эпосе «Манас». Радлов приводит текст из этого эпоса, в котором содержался призыв к киргизскому народу установить связь с Россией:

Кто идет к России:
Голодный — насытится,
Бедняк станет богатым,
Раздетый получит одежду,
Тощий станет жирным.
. . . . . .

Русский народ — добрый, великодушный,
Идите к русским [44].

С усилением эксплуатации Кокандским ханством в сентябре 1853 г. манапы племени бугу Боромбай Бекмуратов и другие, используя народные представления о возможной помощи России, обратились от имени народа к генерал-губернатору Западной Сибири с просьбой принять иссык-кульских киргизов в русское подданство. Они писали, что находятся «в беспрестанном от окружающих народов страхе», день и ночь опасаются с какой-либо стороны нападения. «Особенно угрожает племени Бугу Кокандское ханство» [45].

17 января 1855 г. иссык-кульские киргизы приняли русское подданство и вошли в состав Алатавского округа Западносибирского генерал-губернаторства Российской империи. Это подданство было оформлено специальной присягой, принятой манапом Качыбеком Шералином. Ее текст гласит следующее: «Я, доверенный от манапов, биев и прочих родоначальников, старшин племени Бугу, неподведомственных никакому правительству, обещаюсь и клянусь всемогущему богу, что племя Бугу... императору Николаю Павловичу хочет верным, добрым, послушным и вечно подданным быть и никогда без высочайшего Его Императорского Величества соизволения и указа в чужестранную службу не вступать...

---

[44] В. Радлов. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Ч. V. Наречие дикокаменных киргизов. СПб., 1885. стих. 1760. 1765, 1770, 1775, 1780 (перевод наш.— *А. Х.*).

[45] Архив внешней политики России, ф. 1—7, д. I, л. 47.

В заключение же всей моей клятвы целую слова святого Алкорана. Аминь. Января 17 дня 1855 г.»[46].

Вскоре примеру иссык-кульских киргизов последовали и другие племена Северной Киргизии.

В 1862 г. чуйские киргизы подняли восстание против жестокости пишпекского датхи и добровольно вошли в состав Алатавского округа. В 1863 г. так же поступили тянь-шаньские киргизы. От их имени старший манап племени чериков Турдумамбет Тоймаматов просил начальника Алатавского округа Колпаковского принять тянь-шаньских киргизов в русское подданство. Их присяга была составлена 13 октября 1863 г. на местном наречии и переведена на русский язык. В ней было сказано: «Мы, доверенные от манапов, биев и прочих родоначальников и старшин племени черик, неподведомственных никакому правительству, обещаемся и клянемся богу, что племя черик хочет верным, добрым, послушным и вечно подданным быть и никогда без соизволения и указа в чужестранную службу не вступать»[47].

В 1865 г. кетмень-тюбинские киргизы, в 1866 г. род борукчу, кочевавший в районе Тянь-Шаня, признают русское подданство и включаются в состав царской России, а в 1867 г. уже все тянь-шаньские киргизы.

Таким образом, с 1855 по 1867 г., в течение 12 лет, все северные киргизы и часть южных (кетмень-тюбинские) киргизов стали российскими подданными. Подданство было оформлено специальными присяжными листами по распоряжению министерства иностранных дел или военного министерства Российской империи.

В 1867 г. царское правительство провело реформу, в результате которой Семиречье было разделено на волости во главе с выборными старшинами; северные киргизские волости вошли в состав Токмакского уезда.

В Постановлении ЦК КП Киргизии «О 50-летии Киргизской ССР и Компартии Киргизии» говорится, что «в своей многовековой истории киргизский народ прошел трудный и сложный путь борьбы за свою свободу и счастье. Важным политическим событием на этом пути

---

[46] Там же, л. 67.

[47] Там же, д. 2, Аз. деп., л. 14.

явилось добровольное вхождение Киргизии в состав России во второй половине XIX века. Этот исторический акт имел большое прогрессивное значение, он ускорил процесс экономического, политического и культурного развития киргизского народа, спас его от порабощения соседними феодальными государствами, избавил от разорительных, междоусобных родо-племенных войн»[48].

---

[48] Постановление ЦК КП Киргизии «О 50-летии Киргизской ССР и Компартии Киргизии».— «Советская Киргизия». 25.I.1974.

Глава III

РАЗВИТИЕ НАРОДНОГО ДВИЖЕНИЯ В ЮЖНОЙ КИРГИЗИИ ПРОТИВ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА

Превращение Кокандского ханства в вассала России и усиление его угнетательской политики

Присоединение Средней Азии к царской России началось с активных военных действий царских войск против Кокандского ханства. После захвата ими Аулие-Аты и Туркестана осенью 1864 г. был взят Чимкент, что обеспечило соединение Сибирской и Сырдарьинской военных линий, по которым шло наступление. В феврале 1865 г. из занятых царскими войсками земель была образована Туркестанская область, в которую вошли все пограничные со среднеазиатскими владениями местности от Аральского моря до оз. Иссык-Куль. Военным губернатором Туркестанской области был назначен генерал Черняев, который еще в 1864 г. неудачно пытался захватить Ташкент. Весной 1865 г. Черняев совершил второй поход из Чимкента на Ташкент и занял его. С потерей Ташкента Кокандское ханство фактически было побеждено. Отсталое феодальное государство не могло отстоять свою независимость в борьбе с Россией, со страной развивающегося капитализма.

После потери Ташкента Кокандское ханство не вело активных действий против России, поэтому царское правительство решило закабалить ханство не путем военного наступления, а при помощи мирного договора. В 1867 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство с центром в Ташкенте. Первоначально оно состояло из двух областей: Сырдарьинской и Семиреченской. 29 января 1868 г. между туркестанским генерал-губернатором Кауфманом и кокандским ханом Худояром был заключен мирный договор, в результате которого

Кокандское ханство превратилось в вассала России, а его территория была открыта для свободной торговли русских купцов и устройства их караван-сараев.

В связи с этим вся Южная Киргизия, входившая в состав ханства, фактически оказалась вассальным владением Российской империи. Однако присоединение всех южных киргизов к России не было оформлено специальным документом или специальной присягой, как это было с северными киргизами. Степень подчинения Южной Киргизии России определялась договором Худояр-хана с Кауфманом: южные киргизы подчинялись царским военным властям не непосредственно, а как подданные Кокандского ханства.

В конце 60-х — начале 70-х годов XIX в. перед Южной Киргизией возник вопрос: оставаться в составе Кокандского ханства и подвергаться двойному гнету — кокандских ханов и царского правительства — или же освободиться от власти кокандских захватчиков, став под непосредственную защиту России? Усиление феодальной эксплуатации народа кокандскими властями объективно делало второе решение более прогрессивным и желательным для широких народных масс.

Особенно тяжек был для киргизского и узбекского народов налоговый гнет, усилившийся при Худояр-хане. Уже в первые годы его правления с населения взимались многочисленные подати, в том числе: харадж — натуральный налог с полевых растений; танап — денежный налог с огородных растений и садов; зякет — торговый процент с товаров и со скота; зякет мал — налог со скота; базарные сборы за право торговли на рынках, особые сборы за переправы через реки, пошлина с соли и т. д. Кроме того, существовал так называемый маклерский процентный сбор за совершение брака. В дальнейшем были введены налоги на металлы — золото, серебро, медь, а также на вьючных животных: верблюдов и ослов.

В конце 60-х годов XIX в. в Кокандском ханстве взималось с населения около двадцати видов различных прямых налогов. Главная — хараджная — подать собиралась с земледельцев в размере $^1/_5$ урожая на поливных землях и $^1/_{10}$ урожая на неполивных землях. Как правило, харадж взимался осенью, после сбора хлебов, натурой и употреблялся для содержания войск; остатки

его продавали на рынке, а деньги вносили в ханскую казну. Танапный сбор при Худояр-хане взыскивался в следующих размерах: с танапа земли под огородами — 1 руб. (тенга), под фруктовыми садами — 2 руб.; с тополя, карагача — 50 коп.; с шелковицы (тутзар) — 1 руб.; с виноградников — 2 руб.; с танапа клевера — 1 руб.; с весенних посевов лука, моркови — 1 руб.; с осенних, произведенных после уборки зерновых, брали харадж в размере $^1/_5$ урожая[1]. Зякет взимался с товаров и со скота, как продававшегося на базарах, так и находившегося на пастбищах. Кочевые народы — киргизы, казахи и др.— платили зякет кокандскому хану в следующих размерах: с баранов и лошадей — $^1/_{40}$ часть, с рогатого скота — $^1/_{30}$ часть[2]. Если у плативший зякет было более 40 лошадей, то с каждой лишней лошади он уплачивал дополнительно по 40 коп.; с пяти верблюдов брался один баран.

Кроме прямых налогов существовал целый ряд дополнительных сборов и повинностей. Источники называют, например, такие повинности, как принудительные работы всего населения при проведении дорог и постройке ханских домов, обработке ханских пашен и садов, проведении арыков и каналов[3]. В случае неявки на эти работы виновные наказывались палками, а иногда особенно непокорных забивали до смерти или живыми зарывали в землю.

Помимо натуральных повинностей источники отмечают различные дополнительные налоги и сборы, взимавшиеся в денежной или натуральной форме. Так, с кочевых народов собирали подымную, или кибиточную, подать, размеры которой в зависимости от экономического благосостояния налогоплательщика колебались от 20 коп. до 1 руб. Особые налоги население платило арык-аксакалам за распределение арычной воды на пашни (су-пули), на табачные плантации (тампаку-пули), на луга (кок-пули), за переправу через реки (кемепули), сбор пиявок, за право рубить дрова и собирать в лесах фрукты и т. д. При Худояр-хане был даже

---

[1] А. Л. Троицкая. Архив кокандских ханов XIX в. Л., 1957, с. 190.

[2] «Туркестанские ведомости», 1876, № 17.

[3] ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 60, док. 163.

введен налог на сбор хвороста, валежника, камыша и травы для топлива: население обязано было сдавать ханскому сборщику податей половину этого сбора; кроме того, при въезде в город с каждой арбы хвороста или камыша взималось по ½ тенги, а за место на базаре — еще по одной тенге. Существовала особая свадебная пошлина, которая взыскивалась при вступлении в брак: с девушки — в размере 10 тенег (2 руб.), а со вдовы — в размере 5 тенег (1 руб.).

Большим «разнообразием», от которого страдало население, отличались многочисленные базарные сборы, уплачивавшиеся за продажу молока и масла (с каждой чашки по 1 коп.), домашней птицы (по 1 коп. с каждой штуки), яиц (по 1 тенге с каждой сотни), диких гусей и уток (50% привоза) и т. д. Особый сбор взимался с продажи недвижимого имущества — земель, домов, садов и т. п. Для получения новых налогов Худояр-хан использовал даже обученных медведей, волков и собак, содержавшихся в ханском дворце: на базаре устраивались представления с их участием, за что с каждой лавки собирали по копейке[4]. Не будет, пожалуй, преувеличением сказать, что налогами при Худояр-хане не был обложен только воздух. Не удивительно, что Худояр в короткий срок превратился в богатейшего человека.

Способы взимания податей в разных местах были различны: в одних пунктах налоги собирали особые сборщики, назначенные ханом или беками, в других — весь сбор налогов сдавался в аренду откупщикам. Впрочем, в обоих случаях деятельность налогового аппарата отличалась чудовищными злоупотреблениями: сборщики и особенно откупщики стремились к личному обогащению и взимали налоги с населения в размерах, превышавших официально установленные; не гнушались они взятками и другими поборами, вымогая их у налогоплательщиков. Все это вело к увеличению и без того тяжелого налогового гнета, лежавшего на трудящихся массах.

В Кокандском ханстве широко применялись система отработок, барщина по очистке и проведению оросительной сети, доставке на арбах топлива для ханского дворца.

[4] Там же, д. 64, док. 328; «Туркестанские ведомости», 1876, № 17.

Особенно ухудшилось положение киргизского населения. Если раньше жизнь и быт киргизов основывались на адате (обычае), то теперь кокандское правительство насильственно стало вводить шариат, что вызывало острое недовольство. К тому же введение шариата означало увеличение денежных поборов с киргизского населения, что для Худояр-хана имело особенно важное значение, так как он стремился во что бы то ни стало пополнить свою казну за счет подданных. Это отмечали даже представители царской администрации.

Для киргизского населения были специально введены новые налоги, в частности налог с фруктовых деревьев, растущих в горах близ Оша. Их плодами обычно пользовались кочевые киргизы. Особенно тяжелым стал для киргизов зякет со скота: ханские сборщики безнаказанно злоупотребляли своей властью и взыскивали его в тройном размере.

В своих беззакониях кокандский хан опирался на покровительство царской России, которая охраняла его от постоянных притязаний бухарского эмира и от восстаний киргизов. Худояр-хан считал туркестанского генерал-губернатора своей опорой, помогавшей удерживать население в узде. «Если бы не боязнь вмешательства русских в дела ханства,— говорится в одной из газетных статей того времени,— которым постоянно грозит хитрый правитель Кокана измученному налогами и жестокостями населению, то киргизы давно восстали бы против него и положили бы конец его деспотическому владычеству»[5].

Грабительская налоговая политика Худояр-хана усилила ненависть киргизского народа к нему и привела к ряду выступлений против кокандского гнета.

Ранней весной 1871 г. вспыхнуло восстание сохских киргизов, для подавления которого хан послал около 2 тыс. сарбазов под командованием главного военачальника Наиба Атабека. Однако восставшие киргизы ушли далеко в снежные горы, и кокандские сарбазы не смогли их настигнуть. Они взяли в плен только 12 человек, которые были казнены в Коканде. Причиной восстания, по сообщению А. П. Федченко, явились грабительские поборы сохского правителя, а непосредственным толч-

[5] «Санкт-Петербургские ведомости», 1874, № 268 («Туркестанский сборник». Т. 73, с. 44—48).

ком к выступлению послужил отказ хана назначить в Сох правителем киргиза. Волнения охватили всех алайских киргизов и получили поддержку в верхней части Алая, где власть фактически принадлежала наместнику Курманжан датхе[6]. С большим трудом вооруженные силы Кокандского ханства подавили эти волнения.

Первый этап антифеодального восстания в Южной Киргизии (1873—1874 гг.)

Волнения алайских киргизов стали предвестниками всеобщего народного восстания в Южной Киргизии, начавшегося в 1873 г. Это восстание носило антифеодальный и объективно народно-освободительный характер. Направленное прежде всего против Кокандского ханства, *оно прошло в своем развитии два этапа.* Первый этап восстания охватывал 1873—1874 гг., когда его удар был направлен непосредственно против Кокандского ханства. Поскольку ханство было вассалом царской России, постольку восстание косвенно затрагивало и интересы царизма. Поэтому царское правительство отрицательно относилось к нему уже на первом этапе. На втором этапе восстания (1875—1876 гг.) борьба киргизов и узбеков была направлена не только против Кокандского ханства, но и против царизма. Кокандский хан не мог своими силами подавить движение. Тогда царское правительство пришло ему на помощь, приняв активное участие в подавлении восстания.

Движущими силами восстания на первом этапе были киргизские и кипчакские крестьяне-скотоводы, а на втором этапе — киргизские, кипчакские, а также и узбекские крестьяне. Поэтому на втором этапе восстание носило массовый общенародный характер. В ходе его на сторону восставших перешли войска Кокандского ханства и даже некоторые представители феодалов.

* * *

Весной 1873 г. кокандский хан направил к киргизам сборщиков для взимания за текущий год зякета со скота в гораздо больших размерах, чем прежде. Вместо од-

---

[6] А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан. Вып. 7, СПб., 1875, с. 96.

ного барана с каждого двора (кибитки) хан потребовал по три. Киргизы наотрез отказались платить зякет в тройном размере и избили приехавших к ним сборщиков. Некоторые были убиты, часть их киргизы задержали, отняв все, что они успели собрать.

Худояр-хан, узнав о волнениях киргизов от своего агента, переодетого странствующим нищим, решил жестоко наказать восставших. Начались новые преследования и казни. «Худояр-хан,— как сообщала газета „Санкт-Петербургские ведомости",— приказывал вырезывать бунтующих киргизов и кипчаков без всякого суда, не только сотнями, но тысячами, так что, можно сказать, он обратил Кокан в лобное место»[7]. В ответ на свирепые репрессии Худояр-хана киргизы (20 тыс. кибиток) и кипчаки (10 тыс. кибиток) откочевали в горы, в совершенно неприступную местность. К ним начали стекаться и другие недовольные. К наступательным действиям в первое время киргизы не переходили, опасаясь, что царские власти примут сторону хана. Таким образом, борьба киргизского народа носила первоначально более или менее пассивный характер — отказ от уплаты зякета и откочевка в горы.

Однако волнения киргизов охватили значительную территорию: начавшись в горах на юге и юго-западе ханства, они перекинулись и на северную его часть. Напуганный Худояр-хан в самом начале попытался подавить волнения. С этой целью он послал к киргизам Абдурахмана Афтобачи (сына своего бывшего тестя Мусулманкула), недавно вернувшегося из Мекки, человека, пользовавшегося большим влиянием среди кочевых киргизов и кипчаков. Абдурахману удалось временно успокоить киргизов. Он отправил к Худояру в знак примирения и покорности сорок киргизских и кипчакских старшин, за неприкосновенность которых он ручался, и советовал хану ни в коем случае не посягать на их жизнь, доказывая, что только миролюбивыми средствами можно прекратить восстание. Но Худояр-хан вопреки совету Абдурахмана приказал перерезать всех послов. Свирепая казнь сорока кипчакских и киргизских представителей вызвала возмущение киргизского народа

---

[7] «Санкт-Петербургские ведомости», 1874, № 268 («Туркестанский сборник». Т. 73, с. 44—48).

и привела к тому, что движение вспыхнуло с новой силой. В сложившихся обстоятельствах Абдурахман Афтобачи первоначально остался среди восставших киргизов. Источники объясняют его поведение «изменой» хану и стремлением дождаться конца разыгравшихся событий, чтобы доказать киргизам свою ненависть к Худояр-хану. Однако позднее, когда хан вызвал Абдурахмана Афтобачи к себе, он вернулся в Коканд и даже принял участие в борьбе против восставших.

Между тем события на юге стремительно развертывались. Узнав о трагической смерти своих послов, киргизы подняли открытое восстание против Кокандского ханства. Военные действия начались в июле 1873 г. Восставшие взяли Узген и хорошо укрепленный стратегический пункт в горах — Сук, в котором хранилась секретная казна кокандского хана. Казна и комендант укрепления Алим-кипчак были захвачены и увезены в горы. Этот первый успех дал киргизам денежные средства, обеспечившие объединение кочевых племен для дальнейшего развертывания военных действий. Всеобщая ненависть к хану так возросла, что даже оседлое население стало переходить на сторону восставших. Восставшие киргизы и кипчаки несколько раз спускались с гор в долину, но, не имея достаточного количества оружия, вновь уходили назад под напором кокандских войск.

Для подавления восстания были посланы ханские войска под предводительством брата хана, маргеланского бека Муратбека, который, однако, не предпринял никаких решительных действий. В одной из стычек между ханскими войсками и киргизами был захвачен неизвестный человек, которого восставшие провозгласили своим ханом. Впоследствии по приказу Муратбека он был посажен на кол в г. Асаке. В дальнейшем ходе восстания киргизы и кипчаки объединили свои отряды и начали решительное наступление с двух сторон на Кокандское ханство. Узген, Уч-Курган, Ош, Сузак и Булак-Баши были взяты восставшими сразу, Уч-курганский бек успел бежать. Город Булак-Баши был разорен восставшими, а его бек казнен. Около 3 тыс. (по другим сведениям, 5 тыс.) кокандских сарбазов перешли на сторону повстанцев, а 300 человек из ханских войск были взяты в плен.

Кокандский хан снова направил свои войска во главе с Абдурахманом Афтобачи и Иса-Аулие против непокорных. Другим бекам также было приказано выступить против восставших киргизов. Начались военные действия, в ходе которых были понесены большие потери с обеих сторон. Абдурахман Афтобачи захватил в плен 20 киргизов, но его войска после поражения близ г. Тюря-Кургана разбежались, а сам он устранился от командования и бежал из Тюря-Кургана в Коканд.

Оседлое узбекское население, измученное деспотизмом и поборами хана, стало примыкать к восставшим. В Коканде и Андижане вспыхнули серьезные волнения: здесь ожидали прихода киргизов, чтобы присоединиться к ним и свергнуть власть ненавистного Худояр-хана[8]. Последний был напуган размахом восстания. По сообщению М. А. Терентьева, он еще в 1873 г. «просил содействия русских войск для усмирения бунтарей, но в этом ему было отказано»[9]. Лишь ценой огромного напряжения сил открытое восстание киргизов в сентябре 1873 г. было временно подавлено[10]. Командующий кокандскими войсками Муратбек захватил восемь главных кипчакских вождей — Оморбека, Каратая, Ишанкула, Бердыбека и других, которых доставил в Коканд.

После подавления восстания южные киргизы пытались освободиться от преследований хана путем перехода под русское покровительство. Примером для них были северные киргизы, которые оказывали серьезное влияние на своих южных собратьев. Осенью 1873 г. к ходжентскому уездному начальнику, генерал-майору Эйлеру явились депутаты от кокандских киргизов и спросили его: каково будет отношение царского правительства к восставшим киргизам, которые находятся в близких отношениях с северными киргизами Токмакского уезда? Однако представители царского правительства отрицательно отнеслись к восстанию и к откочевкам южных киргизов в пределы Токмакского уезда.

---

[8] ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 58, док. 476; ф. КТГГ, д. 278, лл. 26—30.

[9] М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии. Т. II, с. 333.

[10] ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 58, док. 566.

В декабре 1873 г. исполнявший обязанности туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенант Колпаковский писал военному министру, что «в случае возобновления восстания, могущего быть причиной бегства и даже смерти Худояр-хана... все старания наши должны быть направлены к обеспечению наследования за сыном хана, Насреддин-беком, человеком вполне преданным нашим интересам и хорошо понимающим положение ханства. Без сомнения, нельзя ручаться, что при народном восстании не будет избрано и другое лицо, которое неисполнением договора может вызвать с нашей стороны понудительные меры и вооруженное вмешательство»[11]. Таким образом, царское правительство открыто поддерживало власть Худояр-хана, а в случае его возможного свержения восставшим народом стремилось во что бы то ни стало добиться избрания ханом его сына, предусматривая даже с этой целью вооруженное вмешательство во внутренние дела ханства. Местная военная администрация царизма всеми мерами пыталась сохранить ханскую власть, что могло привести лишь к укреплению феодальных отношений и к дальнейшему росту феодального гнета в Кокандском ханстве.

В связи с переселением киргизов из Кокандского ханства в российские владения Худояр-хан в ноябре 1873 г. обратился к туркестанскому генерал-губернатору с просьбой возвратить кокандских киргизов на прежнее местожительство. В своем письме он указывал, что из окрестностей Андижана перекочевало в русские владения 800 кибиток или даже больше, и называл откочевавшие роды и имена их биев. В конце письма Худояр-хан еще раз просил вернуть на прежнее местожительство киргизов, бежавших с имуществом и скотом, заверяя, что «в случае, если Ваши киргизы перейдут в мои владения, то также будет приказано вернуть их обратно. Обе стороны должны следовать одинаковому образу действия»[12].

Поскольку массовое выселение кокандских киргизов с территории российских владений в зимнее время было делом почти невозможным, исполнявший обязанности

---

[11] Там же.
[12] Там же, док. 536.

туркестанского генерал-губернатора в ответе кокандскому хану 20 декабря 1873 г. рекомендовал начать такое выселение не раньше весны 1874 г. Действительно, весной 1874 г. бежавшие киргизы были переселены из Семиречья снова на территорию Кокандского ханства.

Между тем попытки свергнуть ненавистную власть Худояр-хана продолжались всю зиму 1873/74 г. и в весенние месяцы 1874 г. Все слои узбекского, киргизского и кипчакского населения были недовольны постоянными поборами и жестоким режимом Худояр-хана. Источники единогласно свидетельствуют, что «постоянные поборы и жестокости Худояр-хана в последнее время до того озлобили все народности и сословия в ханстве, что бедные, забитые подданные хана решились во что бы то ни стало сбросить ненавистное им бремя. Кипчаки и кара-киргизы, старые враги ханской власти в Кокане, нашли себе союзников в среде населения городов и между приближенными владетеля Кокана» [13].

Угнетенное население городов и кишлаков ненавидело режим Худояр-хана. Народ был убежден, что его бедственное положение зависит от деспотического характера Худояр-хана и если заменить его другим ханом, более добрым, то положение народных масс города и деревни значительно улучшится. Этот наивный монархизм — явление, свойственное крестьянскому движению всех народов в эпоху феодализма,— объяснялся темнотой, забитостью, крайней неразвитостью классового, политического самосознания народных масс.

Как выше отмечалось, недовольство произволом Худояр-хана выражали не только народные массы киргизов и узбеков, но и приближенные хана, о чем свидетельствовала организация заговора, в котором приняли участие до 50 придворных. Главным руководителем заговорщиков был киргиз Батыр-хантюре, брат второй жены хана и дядя второго сына хана — Мухаммеда Амина, которого заговорщики намечали возвести в ханское достоинство. В заговоре приняли участие киргизы из рода багыш, родственники и друзья Батыр-хана, а также жена Худояр-хана (сестра Батыр-хана) [14].

Примерно 20 марта 1874 г. заговорщики собирались

---

[13] Там же, д. 60, док. 170.

[14] «Голос», 1874, № 212 («Туркестанский сборник». Т. 79, с. 176—182).

напасть на хана во время его поездки за город. Но вследствие измены одного из заговорщиков, Мадалибека, заговор был раскрыт. По распоряжению Худояр-хана Батыр-хан и 16 его сообщников были немедленно арестованы и утоплены в пруду. Мухаммед Амин был подвергнут строгому аресту, ему было запрещено общение с кем бы то ни было. После этого Худояр-хан стал еще кровожаднее, беспощадно предавая смерти своих противников, чем усилил ненависть к себе широких масс населения.

Таким образом, на первом этапе восстания у южных киргизов не было единого руководства. Отдельные выступления были слабо связаны друг с другом, часто носили стихийный характер, были нередко разновременными и отличались разной продолжительностью. Наиболее упорным и продолжительным было выступление андижанских киргизов.

Крупным, хотя и локальным, очагом движения в 1874 г. являлся и район Чаткала. Все сказанное заставляет более подробно рассмотреть ход восстаний в этих районах.

Выступление андижанских киргизов

Мамыр Мергенов, уроженец г. Андижана, с весны 1873 г. стоял во главе восставших андижанских киргизов. В его отряде были представители киргизских племен кушчу, мундэз, багыш, басыз и карабагыш. Вначале он совершил нападение на г. Хановат и взял его, но в одном из сражений с кокандскими войсками потерпел поражение и потерял около 300 человек[15]. Кокандские военные власти учинили зверскую расправу над захваченными в плен киргизами: после боя они рассылали в кишлаки по 5—7 пленных и сажали их там на кол. «На пашнях убивали женщин и детей, беременным женщинам распарывали животы»[16].

После битвы у Хановата 1700 киргизских кибиток во главе с Мамыром перекочевали к перевалу Карагаты. Отсюда Абдурахман Афтобачи потребовал к себе биев и почетных людей из числа восставших, подарил им халаты и уговорил вернуться обратно в кокандские вла-

[15] ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, *оп.* I, *д.* 278-*а*, *лл.* 43—46.
[16] Там же.

дения. Бóльшая часть киргизов последовала за ними, меньшая осталась в Карагатах.

16 августа 1873 г. около Узгена кокандцы внезапно с четырех сторон напали на вернувшихся киргизов. В этом бою было убито около 40 и взято в плен до 60 киргизов, которые были посажены в темные сараи. Кокандцы потеряли убитыми 15 человек. После этого киргизы вновь бежали во владения России, главным образом в район Кетмень-Тюбе. Зимой Мамыр Мергенов ушел в горы восточной части ханства, но в апреле 1874 г. около 2 тыс. киргизов, скрывавшихся в неприступном Кара-Кульджинском ущелье, недалеко от Узгена, вышли из убежища и заняли город. Однако с приближением ханских войск Узген был оставлен, и киргизы снова отступили в горы. Вскоре после этого Мамыр перешел в урочище Тогуз-Тороо Токмакского уезда и стал уговаривать местных киргизов присоединиться к нему для борьбы с Худояр-ханом.

Устные фольклорные материалы утверждают, что Мамыр призывал все мужское население в народное ополчение для борьбы против Кокандского ханства. Бежавшие из Коканда киргизы сделали даже попытку перейти в русское подданство.

4 мая 1874 г. доверенные лица племени мундуз-илят — Алтыбай-бий, Джанузак-бий и Махмуд Мурза — обратились к Колпаковскому с просьбой принять все племя в подданство России. «Как мы, так и наши доверители,— говорилось в поданном ими прошении,— в 1873 году откочевали из Кокандского ханства в Туркестанский военный округ, дабы спастись от преследования кокандского хана, который немилосердно казнил наших киргизов и грабил наше имущество. Мы поселились не далеко от г. Токмака, в Кетмень-Тюбе и Тогуз-Тороо, но тут нас начали притеснять и гнать жившие там киргизы родов керимбека, чоро и боотай». Ссылаясь далее на невозможность «возвращаться в Кокандское ханство, где нас немедленно ждет смерть», мундузы просили принять их в русское подданство, подчеркивая: «В нашем племени мундуз-илят находится две тысячи кибиток, которые поголовно принимают подданство России» [17].

---

[17] ЦГИА УзССР, ф. I—И, д. 343-а, часть дипломатическая, л. 27.

Однако отношение местных царских военных властей к принятию в русское подданство кокандских киргизов по-прежнему было отрицательным, поэтому просьба племени мундуз-илят не была удовлетворена. Мамыр Мергенов также обращался с просьбой о принятии в русское подданство, но и его просьба была отклонена. Мамыр ездил в Кашгар, надеясь привлечь тамошних киргизов к совместной борьбе против Худояр-хана, но кашгарские киргизы не согласились с его предложением.

Царские же военные власти приняли меры к выселению восставших киргизов из владений России. 17 июля 1874 г. Колпаковский в письме Худояру сообщал, что он «приказал весной настоящего года обратно направить в Коканд киргизов, перекочевавших из Андижана и других местностей в Токмакский уезд», и лицемерно выражал надежду, что хан простит «им проступок, так как Вы несколько раз письменно обещали мне, что по возвращении кочевников они наказываемы не будут и никакого насилия и притеснения не потерпят» [18].

Переселенцы-киргизы возвращались из владений России на свои прежние кочевья, находившиеся во владениях Кокандского ханства в урочище Маси и в районе Базар-Кургана. Только в район Базар-Кургана весной 1874 г. вернулись 700 кибиток киргизов, бежавших после восстания в Токмакский уезд. Однако Худояр-хан не сдержал своих обещаний о помиловании. Правда, вернувшимся весной 1874 г. с территории Токмакского уезда киргизским биям кокандский хан давал охранные листы о помиловании [19], но народных масс это не коснулось.

Для наказания вернувшихся повстанцев в район Маси был направлен двухтысячный карательный отряд под командованием Ахматбека Батыр-баши. Отряд ограбил масинских киргизов и увел в плен 40 человек. Три киргиза — Даирбек, Садык и Батыр-баши — были казнены. Кроме того, у масинских киргизов угнали 120 лошадей, 5 верблюдов, 30 коров, 130 баранов и разграбили имущество в 450 кибитках. В результате грабительских действий кокандских войск киргизы вновь стали перекочевывать в Токмакский уезд, а народная

---

[18] ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 61, док. 208.
[19] Там же, док. 208, 213.

борьба усилилась. В этих условиях Мамыр Мергенов пытался снова поднять восстание, рассчитывая на поддержку киргизов, подданных Кокандского ханства. В мае 1874 г. Мамыр вторгся в пределы ханства с частью своих прежних сподвижников, намереваясь овладеть Андижаном. Однако этот план не был выполнен. Восставшие временно заняли кишлак Базар-Курган, но затем были вытеснены оттуда войсками Ахматбека Батыр-баши. Ханские войска захватили много имущества и 100 лошадей, ограбив всех киргизов, вернувшихся из владений России, что вызвало их повторное бегство в Токмакский уезд.

15 июля 1874 г. Мамыр был задержан русским отрядом и арестован. В своих показаниях Мамыр прямо говорит о насилиях кокандцев как причине выступления киргизов и их бегства в Токмакский уезд. По распоряжению исполнявшего обязанности туркестанского генерал-губернатора Колпаковского Мамыр был отправлен в станицу Лепсинскую под надзор местных властей с целью удалить его от очага восстания киргизов. Во время пребывания Мамыра в Лепсинской военный губернатор Семиреченской области предлагал учредить за ним особый надзор, опасаясь, что он может «бежать или дурно влиять на киргизов (казахов.— *А. Х.*), его даже при надежности можно подвергнуть домашнему или на гауптвахте аресту под каким-нибудь предлогом» [20].

Таким образом, отношение царского правительства к восстанию киргизов против ханской власти под руководством Мамыра Мергенова было явно отрицательным, ибо царское правительство защищало власть Худоярхана как своего союзника и вассала и боялось влияния освободительного движения южных киргизов на северных киргизов, подданных России.

Выступление чаткальских киргизов

В начале августа 1874 г. в северо-западной части ханства широко развернулось восстание чаткальских киргизов. Его руководитель Момун Шамурзаков был выход-

---

[20] ЦГА КазССР, ф. И. 44, д. 11, с. 14.

цем из кокандцев, перешедших за семь лет до этого в русские владения.

Уже в середине июля 1847 г. Момун Шамурзаков, а также другие руководители повстанцев, действовавшие вместе с ним, начали группировать на Чаткале недовольных гнетом кокандского хана киргизов. Повстанцы рассчитывали в случае успеха использовать положение Момуна как подданного России при переговорах с русскими властями, с которыми они надеялись установить дружественные отношения. Отряды восставших стали нападать не только на ханских чиновников, но и на кокандских торговцев, приезжавших в район Чаткала[21]. Встревоженный действиями Момуна Худояр 25 июля 1874 г. обратился к туркестанскому генерал-губернатору с просьбой помочь ему в борьбе с повстанческими отрядами. В ответ на это Колпаковский приказал аулиеатинскому и чимкентскому уездным начальникам найти, арестовать Момуна и выслать его в станицу Лепсинскую под надзор полиции[22]. Но выполнить это распоряжение оказалось не так-то просто: на Чаткале в это время собралось около 10 тыс. повстанцев, которые перевалили через горы в ущелье Ала-Бука, где к ним присоединились кочевавшие там киргизы. Отсюда повстанческие отряды направились к г. Касану и захватили в плен сборщика податей (амлякдара). Беки близлежащих крепостей Чартака и Яны-Кургана выслали 400 человек против передового отряда восставших и заняли позиции впереди своих крепостей у кишлака Сефид-Булак. 1 августа 1874 г. киргизы напали на кокандцев и отбросили их обратно в укрепление. Обе стороны потеряли несколько человек убитыми и ранеными. После этого сражения управитель Касана бежал в Тюре-Курган (близ Намангана), Касан был занят восставшими киргизами без боя.

По получении известий об отступлении ханских войск от Сефид-Булака Худояр-хан 2 августа выслал из Коканда семитысячное войско под командованием Абдурахмана Афтобачи и Иса-Аулие. Хотя восставших киргизов насчитывалось около 10 тыс., они были плохо вооружены, и кокандские войска нанесли им тяжелое

---

[21] ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 61, док. 214.
[22] Там же.

поражение при Тюре-Кургане. В этом сражении было убито до 300 киргизов, остальные повстанцы бежали с поля боя под натиском кокандских отрядов. Бóльшая часть восставших, в том числе и Момун Шамурзаков, возвратились на Чаткал[23]. По приказанию туркестанского генерал-губернатора начальник Аулие-Атинского уезда командировал туда нескольких местных влиятельных лиц во главе с капитаном Акмуллой Байзаковым для поимки Момуна Шамурзакова. Прибыв на Чаткал, они вступили в переговоры с Момуном и добились явки его в Аулие-Ату, где 24 августа 1874 г. по приказанию туркестанского генерал-губернатора Момун был арестован начальником Аулие-Атинского уезда за участие в восстании кокандских киргизов против Худояр-хана[24].

Так царская военная администрация еще раз показала свое отрицательное отношение к борьбе киргизского народа против кокандского гнета.

Однако часть восставших киргизов и после ареста Момуна продолжала в районе Чаткала борьбу против ханских войск. В начале сентября 1874 г., как видно из донесения начальника Аулие-Атинского уезда, ханские войска во главе с Абдурахманом Афтобачи столкнулись с отрядами восставших киргизов в урочище Кызыл-Тогой (в горах севернее Намангана). В этом столкновении киргизы снова потерпели поражение от ханских регулярных войск и преследовались ими до Идрис-Пайгамбара. После разгрома восставших в районе Кызыл-Тогой кокандский хан сообщил туркестанскому генерал-губернатору об окончательном подавлении освободительного движения на Чаткале.

Таким образом, стихийное восстание киргизского народа в районе Чаткала было подавлено вооруженными силами Кокансдого ханства. После этого восстание резко пошло на убыль.

---

[23] Там же, док. 262.

[24] ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 61, док. 262, лл. 148—150. Говоря о Момуне, необходимо иметь в виду, что было два Момуна: чаткальский Момун и кураминский Момун. Кураминец Момун был пойман около Куртки джигитами Скобелева при содействии кипчакского бия Тингайты с сыном. Колпаковский писал 2 марта 1876 г. туркестанскому генерал-губернатору, что отправляет Момуна кураминского в Ташкент для казни (см. ЦГИА УзССР, д. 715, д. 67, док. 180).

23 ноября 1874 г. военный губернатор Сырдарьинской области докладывал туркестанскому генерал-губернатору, ссылаясь на рапорт начальника Аулие-Атинского уезда, что восстание в Коканде прекратилось и что после окончания волнения «хан обложил особым сбором тех, кто принимал участие в восстании, вследствие чего некоторые киргизы, обложенные непосильным налогом, откочевали в разные стороны, в том числе и в Аулие-Атинский уезд»[25]. Народно-освободительное движение киргизов против Кокандского ханства к началу ноября 1874 г. было временно подавлено.

Решающей силой, которая нанесла поражение повстанцам на этом этапе восстания, являлась кокандская армия. Видную роль в подавлении восстания сыграл Абдурахман Афтобачи, получивший за это титул парваначи.

Однако, несмотря на временную неудачу, восстание киргизов расшатало устои Кокандского ханства. Русский агент при кокандском дворе Вайнберг в донесении туркестанскому генерал-губернатору от 29 декабря 1874 г. прямо указывал, что победы восставших в августе 1873 г. «сделали весьма шатким» положение хана. Да и в дальнейшем разбитые, но не побежденные повстанцы не теряли надежды на свержение Худояр-хана, не скрывали свою ненависть к нему. Это нашло выражение в том, что они перестали являться к хану на ежедневные салямы (приветствия). Лишь после ареста русскими властями Мамыра и Момуна «влияние хана опять восстановилось, и окружающие стали относиться к нему с прежним почтением»[26], по крайней мере внешне.

Как отмечалось выше, недовольство режимом Худояр-хана охватило в это время не только народные массы, но и часть феодалов, в том числе даже придворные круги, готовые пойти на свержение Худояра с престола. Анализ архивных источников показывает, что в ходе восстания 1873—1874 гг. в Кокандском ханстве сложились три группировки. Кандидатом на престол одной из этих групп, явно отражавшей настроения части придворных,

---

[25] ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 61, док. 306.
[26] Там же, док. 331.

был сын Худояр-хана Насреддин-бек; другая группа, выражавшая интересы киргизских повстанцев, выдвигала Пулат-хана, о роли которого в движении мы будем говорить ниже. Третья, наиболее многочисленная группа добивалась ликвидации ханской власти и присоединения территории ханства к России. В частности, кокандское купечество определенно стремилось к укреплению экономических связей с Россией[27].

Однако отказ туркестанского генерал-губернатора принять южных киргизов в русское подданство, выселение киргизских переселенцев обратно во владения Кокандского ханства, наконец, арест участников восстания против Худояр-хана — все эти факты показали киргизам, что царское правительство поддерживает власть кокандского хана. Это привело к тому, что киргизы в дальнейшем вели освободительную борьбу как против Худояр-хана, так и против царизма. В цитированном выше донесении Вайнберга отмечается, что даже «приближенные к хану говорят, что если киргизское восстание не освободит их от власти Худояра, то они готовы поднять его на враждебные действия против России, лишь бы отделаться от ненавистного им правителя»[28].

Таким образом, первый этап восстания 1873—1874 гг. являлся стихийным движением киргизского народа против феодального гнета Худояр-хана; объективно движение носило антифеодальный, народно-освободительный характер. И хотя в нем участвовали некоторые киргизские феодалы, решающей роли в восстании они не играли. В ходе борьбы с Кокандским ханством восставшие стремились получить от России помощь и защиту. Однако царизм не только не поддержал восставших киргизов, но резко отрицательно отнесся к народному движению на юге Киргизии. Царская военная администрация поддержала Худояр-хана, что облегчило ему борьбу против восстания и позволило разбить повстанцев на первом этапе движения.

Антифеодальное восстание киргизского народа было поддержано узбекским народом. В борьбе против жестокости кокандских ханов развивалась классовая солидарность трудящихся киргизов и узбеков. Царский чинов-

---

[27] ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. I, д. 278, лл. 16—18.
[28] ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 61, док. 331.

ник Вейнберг отмечал, что «простолюдный же хлебопашец или работник вполне сочувствует кочевнику»[29]. По его словам, отличие кочевых киргизов от оседлых узбеков заключалось в том, что кочевые киргизы в ходе восстания очень подвижны и могут в любой момент перекочевать в российские владения, а оседлое население неподвижно, не располагает перевозочными средствами, но, без сомнения, не менее кочевников испытывает всю тяжесть ханской власти.

[29] Там же.

Глава IV

СОВМЕСТНОЕ ВОССТАНИЕ КИРГИЗСКОГО И УЗБЕКСКОГО НАРОДОВ (1875—1876 гг.)

Начало второго этапа народного восстания

Второй этап восстания начался выступлением киргизского и узбекского народов против Кокандского ханства в середине июля 1875 г. в окрестностях г. Узгена, в восточной части ханства.

Причиной нового подъема восстания послужило дальнейшее усиление социального и экономического гнета кокандского хана Худояра. По ироническому замечанию А. Куна, после введения Худояр-ханом налога на право пользоваться водой «оставался один воздух, за право дышать которым не бралось ничего. Это расширение налогов,— отмечает далее А. Кун,— и было одной из главных причин недовольства против последнего хана»[1]. Особенно тяжелым было положение киргизского населения. Осенью 1874 г. киргизы, как уже отмечалось выше, были обложены особым дополнительным налогом за участие в восстании. Как и прежде, они платили зякет со скота. Кроме того, выполнять воинскую повинность стало обременительно; кочевники обязаны были посылать в ханское ополчение воинов со своими лошадьми и снаряжением. Все это вызвало новый стихийный взрыв освободительного движения киргизского народа.

Народный характер восстания 1875—1876 гг. подчеркивала даже русская печать. Так, либеральная газета «Голос» в передовой статье, посвященной этим событиям, 16 апреля 1876 г. (№ 105) отмечала, что «борьба происходит не с ханом или эмиром, из политических видов отстаивающим свою независимость, а с на-

[1] А. Кун. Очерк Коканского ханства.— «Известия ИРГО». 1876, т. XII.

родными страстями» и что «бороться с населением несравненно труднее, чем с деспотами туземных ханств»[2]. Народный характер восстания на этом этапе вынужден был признать и туркестанский генерал-губернатор Кауфман, который писал военному министру 15 сентября 1875 г., что кокандское восстание — общенародное движение, и прямо указывал, что царские военные власти имеют дело с «открытым поголовным восстанием против нас всего кокандского населения»[3].

Среди недовольных были не только трудящиеся, но и многие кокандские феодалы. Однако царские военные власти этого совершенно не боялись. В марте 1875 г. исполнявший обязанности туркестанского генерал-губернатора Колпаковский написал на донесении военного губернатора Семиреченской области Россицкого: «Недовольство этого (аристократического.— *А. Х.*) сословия нашими административными мерами для нас не опасно»[4]. Зато царские власти часто проявляли страх и растерянность перед мужеством восставшего народа.

Освободительное движение киргизского народа против Кокандского ханства происходило под лозунгом массового участия всего населения в освободительной войне. В письме коменданта крепости Махрам начальнику Ходжентского уезда от 28 октября 1875 г. говорится, что, по словам пленного киргиза, «у них, как у кипчаков, своего рода газават, или, как они называют, „кыл-куйрук", т. е. поголовное участие всего населения в войне»[5]. Из этого ясно, что лозунгом восставших киргизов в борьбе против кокандских ханов отнюдь не был лозунг «газавата». Да он и не мог быть выдвинут в тех условиях, ибо киргизы, узбеки и таджики исповедовали одну и ту же мусульманскую религию. Что же касается термина «кыл-куйрук», то обычно этим термином называли, как отмечалось выше, народное ополчение, которое собиралось ханской властью среди кочевых народов и входило в состав кокандской армии. Однако в сложившихся летом 1875 г. условиях он означал по сути дела призыв к общенародному восстанию киргизов и кипчаков против Кокандского ханства.

---

[2] «Туркестанский сборник». Т. 151, с. 76—83.
[3] ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 63, 1875, док. 344.
[4] Там же, д. 62, док. 47.
[5] Там же, д. 64, 1876, док. 495; д. 65, док. 621.

Худояр-хан забирал киргизское и кипчакское мужское население с лошадьми в конное ополчение, летом же 1875 г. это всенародное конное ополчение выступило против Худояр-хана.

Народное восстание, как показывает анализ архивных документов, было стихийным. Оно ставило своей непосредственной задачей свержение деспотической власти Худояр-хана, причем киргизы выставили кандидатуру Пулат-хана (муллу Исака) на ханский престол[6]. В этом проявлялся наивный монархизм народных масс, боровшихся против произвола Худояр-хана.

Выдвижение Пулат-хана взамен Худояр-хана свидетельствовало о том, что народ верил в «доброго» хана. Да это и понятно. Руководители и непосредственные участники восстания — киргизские и узбекские дехкане — не могли еще ставить задачу свержения ханской власти и замены ее демократической формой правления. Тем не менее эта борьба народных масс Киргизии и Узбекистана против феодального гнета была закономерной и прогрессивной.

В начале 1875 г. Пулат-хан оставил Чаткал и прошел в юго-западную часть ханства (Ляйлякская волость Кокандского уезда) к киргизам, набрал отряд около 200 человек, готовых следовать за ним. Но массовым движением его выступление еще не являлось. Широкое восстание трудящихся масс киргизского и узбекского народов против Худояр-хана началось, как уже отмечалось выше, в первой половине июля 1875 г. в окрестностях Узгена. Во главе восставших встал Пулат-хан.

Для подавления восстания Худояр-хан отправил три отряда (около 4 тыс. человек)[7] под руководством Иса-Аулие, Абдурахмана Афтобачи и Сарымсака Ишик-агасы. Ханские войска дошли до кишлака Уч-Курган, но в середине июля перешли на сторону восставших. 19 июля в Коканде стало известно также о переходе на сторону восставших Насреддин-бека вместе с андижанским гарнизоном в составе 5 тыс. человек и о занятии повстанцами городов Ош, Наманган, Андижан и Асаке. Та-

---

[6] Мулла Исак — киргиз из рода бостон, родился приблизительно в 1844 г. в кишлаке Ухна, принял имя Пулат-хана, внука Алим-хана.

[7] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6877, лл. 65—84.

кой оборот дела поверг Худояр-хана в полное уныние. Он окружил себя дуванами (юродивыми) и постоянно гадал. Теперь он не надеялся ни на кокандский гарнизон, ни на окружавших его придворных и видел свое спасение лишь в помощи туркестанского генерал-губернатора.

На помощь Худояр-хану в Коканд прибыл сохский бек мулла Мааруф с отрядом в 500 человек. Но это была капля в море. 20 июля Худояр-хан получил известие о переходе правителя Маргелана своего брата Султан Муратбека, на сторону повстанцев, занявших Маргелан, и о движении повстанческих отрядов на село Алты-Арык, находившееся в 56 верстах от Коканда. В тот же день Худояр-хан телеграфировал Кауфману о развитии восстания и умолял оказать ему немедленную помощь: «Отдаю себя и Кокандское ханство,— писал Худояр-хан,— под могущественное покровительство Его Величества Государя императора и обращаюсь к Вам с дружественной просьбой благоволить приказать направить на город Коканд русское войско с артиллерией в возможно скором времени, дабы замыслы мятежников не осуществились»[8]. Одновременно царский посланник Вейнберг по просьбе хана обратился к военному губернатору Сырдарьинской области и просил его прислать царские войска на помощь хану, хотя бы двинуть батальон из Ходжента к Биш-Арыку (в 30 верстах от столицы), иначе положение может стать еще более серьезным. Таким образом, и Худояр-хан и представители царского правительства в Коканде возлагали все свои надежды на открытое вмешательство царских войск.

Между тем волнения в самом Коканде всё усиливались. В городе распространились слухи, что повстанцы намерены разгромить базар и напасть на царских чиновников. Насмерть перепуганный Худояр-хан решил бежать из Коканда под защиту туркестанского генерал-губернатора. Вместе с ним выехал и царский посланник Вейнберг, считавший, что его место должно быть при «законном хане» — Худояре. Бегство Худояр-хана означало, что его власть над Кокандским ханством пала.

---

[8] ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 63, 1875, док. 139.

Бегство Худояр-хана под защиту царизма. Усиление восстания

Мы уже отмечали, что вскоре после начала освободительного восстания киргизского и узбекского народов на сторону восставших перешла вся кокандская армия.

Надо иметь в виду, что тираническим правлением Худояр-хана были недовольны не только трудящиеся массы узбеков, таджиков и киргизов, но и имущие классы — светские и духовные феодалы и другие представители верхушки. Особенно усилилось недовольство в связи с увеличением разных налогов, что признавали даже высшие ханские чиновники.

Когда началось восстание, представители имущей верхушки Абдурахман Афтобачи, мулла Иса-Аулие и Халик Назар Парваначи перешли на сторону повстанцев. 28 июля 1875 г. они писали туркестанскому генерал-губернатору, объясняя свое выступление против Худояр-хана: «С населения Кокана, мусульман, со времен дедов и прадедов взимались харадж и танап, а также и другие подати, установленные шариатом, и взимались по определенному порядку... По восшествии же на престол Его Высокостепенства Худояр-хана он сошел с пути шариата и переступил установленные пределы... Народ с трудом переносил тяжкие нововведения и, наконец, не стерпел и поднялся со всех сторон, но хан и тогда не хотел обратить на это внимание и увеличил еще притеснения. Сколько раз его просили смягчить образ действия, но он никогда не соглашался. Тогда, наконец, народ отвернулся от него»[9].

Оставляя в стороне утверждения, будто народ был недоволен лишь нарушением шариатских постановлений, вполне понятные в устах феодалов, следует сказать, что письмо высших ханских чиновников довольно точно рисует произвол, жестокость и грабительский характер внутренней политики Худояр-хана. Не удивительно, что с новым подъемом народного движения высшие ханские военачальники решили использовать выступление народных масс для организации заговора против Худояр-хана. По словам имама Курбан-Али Халидова, заговорщики

---

[9] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6877, лл. 88—89. Перевод коллежского советника А. Вейнберга, ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 63, 1875, док. 161.

хотели свергнуть Худояра и провозгласить ханом его брата Султан-Муратбека. Андижанский правитель и старший сын Худояра Насреддин-бек сразу же присоединился к этому заговору и предложил Абдурахману Афтобачи свою кандидатуру на ханский престол вместо Муратбека. Стремясь захватить ханскую власть, Насреддин обещал также сделать некоторые уступки населению. Таким образом, народное восстание против гнета кокандских ханов осложнилось выступлением феодально-клерикальных элементов, весьма далеких от народных масс.

Очутившись в полной изоляции, Худояр-хан решил, как мы уже отмечали, бежать под защиту туркестанского генерал-губернатора. Его выезд был назначен на 22 июля 1875 г. Однако в ночь на 22 июля половина ханского войска — около 4 тыс. человек пехоты во главе со вторым сыном хана Мухаммед-Амин-беком — ушла из Коканда и присоединилась к восставшим [10]. Это осложнило положение Худояр-хана. 22 июля 1875 г. Худояр-хан в сопровождении царского военного отряда под командованием полковника Скобелева вместе с русским посланником Вейнбергом бежал в Ходжент под защиту царских войск. В 8 км от Коканда, в кишлаке Гаухан, когда войско поняло намерения Худояр-хана, его покинул последний большой отряд — 2 тыс. кавалеристов и 4 тыс. пехотинцев, перешедших на сторону восставших.

С этого момента отход Худояр-хана с остатками ханской личной охраны и сопровождавшим его царским отрядом превратился в настоящее бегство. Преследуемые повстанцами, осыпаемые пулями, потеряв значительную часть обоза, они с трудом оторвались от шедших за ними по пятам отрядов восставших и после 36 часов пути прибыли в крепость Махрам, брошенную гарнизоном, ушедшим в Коканд. Отсюда Худояр-хан открыто направился в Ходжент, куда добрался 24 июля в сопровождении высланного ему навстречу сильного отряда царских войск. Вместе с ханом в Ходжент прибыли его младший сын Урман-бек, некоторые высшие чиновники и 643 человека свиты. В тот же день Вейнберг сообщил командующему войсками Сырдарьинской об-

[10] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6877, лл. 65—84.

ласти, что он вместе с Худояр-ханом добрался до Ходжента [11].

Худояр-хан все еще надеялся восстановить при помощи вооруженных сил царской России свою власть в Кокандском ханстве. Однако царское правительство понимало безнадежность такой попытки и согласно было ради успокоения народных масс способствовать возведению на престол сына Худояр-хана Насреддин-бека.

5 августа 1875 г. Худояр-хан со свитой уехал в Ташкент, где через неделю был принят Кауфманом. Сдав в Ташкентское отделение государственного банка кокандское серебро на 140 тыс. рублей, Худояр-хан 12 августа на арбах с 50 сопровождавшими выехал в Оренбург. Его политическая карьера была закончена.

Между тем события в Коканде продолжали развиваться. Вскоре после бегства Худояр-хана, 24 июля 1875 г., духовенство, сановники и население г. Коканда избрали на ханский престол Насреддин-бека. Став кокандским ханом, Насреддин объявил «газават» (священную войну против иноверцев). Инициатором этого акта был Абдурахман Афтобачи, стремившийся использовать народное восстание в интересах феодально-монархического движения. Это ясно было и царским властям. В одном из донесений в министерство инстранных дел прямо говорилось, что «Афтобачи намерен был придать этому движению характер священной против русских войны ввиду всеобщего восстания» [12].

Выступая под лозунгом «газавата», Насреддин и Абдурахман Афтобачи пытались объединить всех мусульман в борьбе против царской России, за восстановление независимого Кокандского ханства в его прежних границах и утверждение старого, феодального режима, освященного религиозными законами шариата. В архивных материалах сохранилось восемь прокламаций религиозного характера, изданных Насреддином, Абдурахманом Афтобачи и другими феодалами, которые призывали народ к священной войне против «неверных». Для правильного понимания вопроса в целом приведем здесь некоторые из этих прокламаций. Так, в прокламации Насреддин-бека, адресованной волостным прави-

[11] ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 63, док. 147.

[12] Архив внешней политики России, Главный архив, ф. 1—9, 1873, д. 22, л. 88.

телям, говорилось: «Здешние киргизы, кипчаки, городские и сельские жители, согласившись между собою, решили начать священную войну. Для этого я отправил туда, к Дарье, своего амир-ляшкаря (командующего войсками.— *А. Х.*) Ходжи датху, назначив его начальником над обществами кочевников. Вы соединитесь с ним и действуйте заодно для подкрепления нашей исламской веры, за что Вы получите большую награду от бога... и от нас». Показательно, что Насреддин обращался к волостным правителям и населению, уже подвластному России, с призывом поднять восстание против власти туркестанского генерал-губернатора.

Вторая прокламация, написанная Абдурахманом Афтобачи, также была направлена против царской России: «Вот 12 лет русские завладели мусульманскими городами: Ташкентом, Ура-Тюбе и Самаркандом, потушили свечу религии и сделали ущерб нашей вере. Поэтому мы, весь мусульманский народ, просили нашего хана, чтобы он начал священную войну. Но он, заблудившись от истины, пошел по неверной дороге. Вел дружбу с русскими, делал им много подарков... ушел от нас. После этого мы, духовные лица, ученые, эмиры и жители, собравшись вместе, с общего согласия уничтожили все противозаконные дела. Старшего сына прежнего нашего хана, Сеид Мухаммед Насреддин-бека, в добрый час возвели на ханский трон, признали его нашим верховным правителем»[13]. Далее в прокламации Абдурахман Афтобачи прямо призывал все население ханства к религиозной войне.

Кроме того, вдохновители газавата обратились ко всем начальникам Русского Туркестана с особым воззванием, в котором, как сообщает в своем отчете Кауфман, предлагались «принятие мусульманства и переход всех русских тюре (чиновников) на сторону кокандцев с обещанием, что им будет тогда очень хорошо. Если же на это русские начальники не будут согласны, то чтобы они уходили в Россию, а если и этого они не сделают, то тогда кокандцы обещают драться и силой заставят нас отступить от Туркестана».

Таким образом, не подлежит сомнению, что кокандские феодалы, взгляды которых выражал Абдурахман

---

[13] ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, д. 272, л. 112.

Афтобачи, стремились вернуть утраченные земли и восстановить ханскую власть в прежнем объеме. Во всяком случае, Абдурахман Афтобачи прилагал огромные усилия «к обратному присоединению части ханства», занятой Россией [14].

Чтобы правильно понять сложившуюся ситуацию, необходимо учитывать следующие существенные обстоятельства. Как известно, марксисты поддерживали национально-освободительное движение угнетенных народов за независимость, подчеркивая, однако, что в этом движении в связи с участием в нем различных слоев населения наряду с общедемократическим содержанием имеется и идеология эксплуататорской верхушки. Это положение отмечается, в частности, в Программе КПСС: «В национализме угнетенной нации есть общедемократическое содержание, направленное против угнетения, и коммунисты поддерживают его, считая исторически оправданным на определенном этапе... В то же время в национализме угнетенной нации содержится и другая сторона, выражающая идеологию и интересы реакционной эксплуататорской верхушки» [15]. Это положение может быть применено и для характеристики антиколониального движения народов Средней Азии во второй половине XIX в. Действия Абдурахмана Афтобачи диктовались феодально-монархическими устремлениями. Он боролся за сохранение старого, феодального режима, преследуя одновременно и свои личные цели. «Абдурахман Афтобачи стремился,— говорится в частном письме Вейнберга,— к той же роли полновластного правителя ханства, именем бессильного хана... Насреддинбека» [16].

Вейнберг был сторонником военного вмешательства и подавления восстания царскими войсками. Вместе с тем он считал, что продолжение восстания «весьма дурно отзовется на некоторых московских и оренбургских капиталистах. Так, например, две московские фирмы Пупышевых имеют в Коканде до 300 тысяч рублей денежных требований, которые они рискуют совсем не по-

---

[14] ЦГВИА, ф. 1393, Полевой штаб войск, действующих в Кокандском ханстве, д. 105. Подробное донесение о военных действиях в Кокандском ханстве с 25 декабря 1875 г. по 7 февраля 1876 г., л. 3.

[15] Программа КПСС. М., 1961, с. 47.

[16] ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 63, 1875, док. 185.

лучить, если порядок в ханстве в скором времени не восстановится» [17].

Готовясь к борьбе против России, Абдурахман Афтобачи распустил прежнюю кокандскую пехоту и набрал новую армию, состоявшую главным образом из кипчакской конницы. Войска Абдурахмана Афтобачи до начала августа не входили в Коканд, а располагались у Муй-Мебарских ворот. Практически Кокандским ханством в это время управлял триумвират: Абдурахман Афтобачи, Иса-Аулие и Халик Назар. Хан Насреддин фактически власти не имел. Печать хана находилась в руках Иса-Аулие [18]. Такое положение не устраивало Насреддина, который не прочь был восстановить прежнее Кокандское ханство, но желал при этом, чтобы власть находилась в его руках. Уже 2 августа 1875 г. командующий войсками Сырдарьинской области доносил Кауфману, что один из приближенных Насреддина, Мирза-Хаким, в беседе с российскими представителями отрицал участие народа в «священной войне», которую поддерживают только Абдурахман Афтобачи и его сторонники. Он писал: «Мирза-Хаким Парваначи утверждает, однако, что о священной войне никто будто бы и не помышляет, что слухи о ней исходят единственно от виновника всех тревог Абдурахмана Афтобачи» [19].

Как известно, царское правительство не выступало против существования Кокандского ханства, своего вассала, наоборот, оно было сторонником укрепления ханской власти для подавления народного движения. Поэтому туркестанский генерал-губернатор решил признать нового хана Коканда, как раньше признавал власть Худояр-хана [20]. 4 августа 1875 г. Кауфман послал письмо Насреддину с официальным признанием его кокандским ханом и предложил ему выполнять старый договор, заключенный между Худояр-ханом и Кауфманом в 1868 г. Письмо это настолько важно, что мы приводим бо́льшую часть его текста.

«Вам должно быть весьма известно,— писал Кауфман,— что я никогда не одобрял образа действия вашего родителя, хотя находился с ним в долголетней друж-

---

[17] Там же.
[18] Там же.
[19] Там же, док. 167.
[20] ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 63, док. 69; см. также док. 154.

бе. В настоящее же время я согласен признать Вас ханом Коканским, но лишь по исполнении Вами следующих условий: во-первых, признание договора, заключенного мною с Худояр-ханом в 1868 году, как водится между всеми правителями и народами, а также полное восстановление кредита наших купцов, подорванного последними событиями.

Во-вторых, отыскание и возвращение имущества нашего посольства, отнятого восставшими против Худояр-хана войсками при содействии артиллерийского огня, направленного против русских, так как при выступлении с уроч. Гау-Хана хан находился на три версты впереди наших офицеров.

Если же будет невозможно отыскать это имущество, то Вы не оставите распорядиться немедленно денежным вознаграждением за все разграбленные вещи, сумму же стоимости пропавшего имущества я сообщу Вам впоследствии, так как потери не приведены еще в известность.

В-третьих, я требую уплаты за двух убитых джигитов, находившихся при нашем посольстве.

В-четвертых, я считаю необходимым назначение пенсии отцу Вашему Худояр-хану вместе с оставшимися ему верными союзниками и свитой. О размере предполагаемого содержания я сообщу Вам впоследствии» [21].

Кауфман рассчитывал, что признание ханом Насреддина разрядит обстановку. Однако этого не произошло. Дальнейшее развитие событий быстро привело к открытому вооруженному выступлению царских войск против повстанцев.

Абдурахман Афтобачи не только строил планы возврата Коканду его прежних владений, но и открыто действовал в этом направлении [22]. Его отряды разрушили несколько почтовых станций, прервали телеграфное сообщение между Ташкентом и Ходжентом, а 6 августа 1875 г. напали на кишлак Аблык Кураминского уезда, входившего в Сырдарьинскую область, и заняли его. В дальнейшем около 10 тыс. повстанцев разошлись

---

[21] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6877, лл. 90—91; ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 63, 1875, док. 171.

[22] «Русское военное обозрение. Краткий очерк военных действий против коканцев.— «Военный сборник», 1875, № 12, отд. II, с. 115 («Туркестанский сборник». Т. 1114).

по кишлакам Курамы и Ангрена. После нападения на Аблык кокандские кавалеристы 7 августа атаковали пограничное укрепление Теляу (в 70 км от Ташкента). Против повстанцев немедленно, в тот же день, были двинуты царские войска под командованием генерал-лейтенанта Головачева. Другой повстанческий отряд в ночь на 9 августа 1875 г. совершил нападение на Ходжент. Нападение оказалось неудачным. Все попытки повстанцев вторгнуться в Ходжент были отражены гарнизоном города, состоявшим из 10 рот пехоты и одной батареи. На третий день боев часть ходжентского гарнизона перешла в наступление и, разбив отряды восставших, преследовала их на кокандской территории. Однако нападения продолжались и после этого. Часть кокандской кавалерии прорвалась по почтовому тракту и сожгла почтовые станции Мурзарабад и Джан-Булак.

13 августа 1875 г. Кауфман послал кипчакам воззвание, в котором требовал поймать и выдать руководителя восстания Абдурахмана Афтобачи. Одновременно Кауфман сосредоточивал свои военные силы в Ходженте. 18 августа он прибыл из Ташкента в Ходжент с частью войск, предназначенных для похода в Коканд. К ним присоединился отряд генерала Головачева, вытеснивший из Кураминского уезда действовавших там 5 тыс. повстанцев. Восставшие, понимая важную роль Ходжента, пытались взять его штурмом, но потерпели поражение. Ходжентский гарнизон, усиленный тремя ротами из Ура-Тюбе, отбил нападение и, перейдя в наступление, оттеснил повстанцев до границы.

В Ходженте был сформирован действующий отряд из 16 рот пехоты и 8 сотен казаков при 20 орудиях и ракетной батарее. Командование этим отрядом поручалось генерал-лейтенанту Головачеву. Главное руководство военными действиями оставалось за Кауфманом. 20 августа 1875 г. весь отряд под командованием Кауфмана выступил из Ходжента по направлению к крепости Махрам. Развивая наступление и ведя беспрерывную перестрелку с повстанцами, царские войска 22 августа подошли к крепости Махрам (в 42 км от Ходжента). На укрепленной позиции перед крепостью Абдурахман Афтобачи сосредоточил более 30 тыс. человек при 40 орудиях, чтобы преградить царскому отряду доступ к столице ханства. Основные силы повстанцев в районе

Махрама состояли из вооруженных сил Кокандского ханства, перешедших на сторону восстания и находившихся под командованием Абдурахмана Афтобачи.

Однако в ходе сражения сказалось военное превосходство русских регулярных войск. Отряд генерала Головачева, включавший артиллерию и часть пехоты, успешно атаковал позиции повстанцев, поражение которых довершила кавалерия под командованием полковника Скобелева. Она преследовала повстанцев на протяжении 15 км, а бежавших к Сырдарье кавалеристы порубили и потопили в реке. В сражении под Махрамом вооруженные силы Абдурахмана Афтобачи были разгромлены. Повстанцы оставили на поле боя до 120 убитых, много повставцев погибло в Сырдарье. В руки царских войск попало 39 орудий, различное оружие, бунчуки и знамена. В самой крепости Махрам были найдены большие склады пороха и снарядов, а также значительные запасы провианта. Потери царских войск под Махрамом были незначительными: несколько человек убитых и раненых.

В занятой крепости военный отряд простоял три дня, дожидаясь подхода артиллерийского и провиантного транспорта, а 26 августа 1875 г. начал наступление на Коканд. В донесении военному министру от 24 августа 1875 г. Кауфман утверждал, что «если не занять Коканское ханство, то в случае переворота в Бухаре, подобного тому, какой случился теперь в Коканде, мы не будем иметь средств противостоять народному движению столь же энергично и успешно...»[23]. 29 августа 1875 г. столица ханства Коканд была занята царскими войсками без боя. В ожидании приближения царского отряда к г. Коканду хан Насреддин-бек выехал навстречу Кауфману, который принял его и признал возможным сохранить за ним ханскую власть. Таким образом, Насреддин открыто изменил восстанию и перешел на сторону царских войск.

8 сентября царские войска без боя заняли Маргелан. Отсюда для преследования разбитых отрядов Абдурахмана Афтобачи был выслан летучий отряд полковника Скобелева, состоявший из шести казачьих сотен, двух рот пехоты и четырех орудий. После короткой схватки

---

[23] ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 53, док. 271.

в Мин-Тюбе остатки отряда Абдурахмана Афтобачи отошли сначала в ущелье Кара-Кульджи, где кочевали его сородичи — кипчаки. В Мин-Тюбе казаки захватили четыре знамени и несколько арб с военным имуществом. Силы Абдурахмана Афтобачи к этому времени рассеялись: из 5 тыс. человек у него осталось только 500 и четыре орудия, с которыми он отступал к г. Ошу.

Узнав, что Абдурахман Афтобачи направляется в Ош, Скобелев 10 сентября 1875 г. поспешил к городу и занял его без боя[24]. Но Абдурахман Афтобачи, миновав Ош, с сотней джигитов пошел в Кара-Су. 13 сентября Скобелев вернулся через Асаке к Маргелану, где присоединился к главным силам царских войск. Таким образом, к середине сентября 1875 г. повстанцы потерпели крупное поражение от царских карательных отрядов.

В связи с отступлением Абдурахмана Афтобачи и временным спадом народного движения Кауфман решил закрепить достигнутые успехи. Он пригласил в Маргелан кокандского хана Насреддина для заключения нового мирного договора. По этому неравноправному договору, подписанному 22 сентября 1875 г., северная часть кокандской территории по правому берегу Сырдарьи должна была отойти к владениям Российской империи. Начальником Наманганского края был назначен полковник Скобелев. Договор, включавший в себя 28 пунктов, значительно ухудшил положение Кокандского ханства. Основные пункты договора содержали следующие условия:

1. Кокандский хан признавал себя вассалом России и отказывался от всяких непосредственных сношений с соседними государствами, в том числе от заключения с ними каких-либо торговых и других договоров[25]. Без ведома и разрешения царских властей в Средней Азии он не имел права предпринимать никаких военных действий.

2. Кокандский хан уступал России все земли ханства, лежавшие на правом берегу Сырдарьи; эти земли включались непосредственно в состав Туркестанского гене-

---

[24] В передовой статье газеты «Голос» (16.IV.1876, № 105) сообщается, что Ош был сожжен.

[25] ЦГИА УзССР, *ф. КТГГ. оп. 34. д. 268, отд. 4, часть дипломатическая*, с. 34—41; ф. 715, д. 63, док. 366.

рал-губернаторства. России передавались также все переправы через Сырдарью и Нарын с правом устраивать новые переправы и мосты. Кокандская пограничная крепость Махрам упразднялась, а ее стены разрушались.

3. Ханство уплатило в 1875 г. 600 тыс. рублей контрибуции «за военные издержки». Кроме того, кокандское правительство обязалось вносить в русскую казну ежегодно к 1 ноября, начиная с 1876 г., контрибуцию по 500 тыс. руб. Параграф 3-й дополнительного обязательства к договору 1875 г. специально предусматривал: «На Маргеланское бекство налагается пеня в размере ста двадцати пяти тысяч тиллей за то, что нарушитель общественного спокойствия и главный вождь движения против России Абдурахман Афтобачи, несмотря на объявления хана и генерал-губернатора, находил приют и продовольствие для своих войск в Маргеланском бекстве в продолжение десяти дней»[26].

Все это свидетельствует о грабительском характере договора, навязанного царизмом Кокандскому ханству. Этот договор усилил колониальный гнет царизма над трудящимися узбеками, киргизами и другими народностями ханства. Вместе с тем пункт договора об уплате контрибуции с 1876 до 1884 г. и в последующие годы говорит о стремлении царского правительства сохранить Кокандское ханство в качестве вассала Российской империи на долгое время. Таким образом, заключенный договор являлся новым шагом царизма по укреплению вассальной зависимости Кокандского ханства от Российской империи.

Ход восстания

Всеобщее восстание киргизского и узбекского народов против гнета кокандских ханов продолжалось и осенью 1875 г. Особую роль, которую сыграли в восстании киргизы, вынужден был отметить и туркестанский генерал-губернатор Кауфман. В донесении военному министру от 13 сентября 1875 г. он признавал, что киргизы, которые, по его словам, «отличаются воинственностью», до начала восстания 1875 г. не были враж-

[26] ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 63, 1875, док. 365.

дебными России, а вели борьбу исключительно против Кокандского ханства. Со свойственным царскому сатрапу пренебрежением к народным массам Кауфман утверждал, что такое отношение киргизов к России сложилось «только потому, что главная масса кочевьев» киргизского населения была удалена от русских границ, «а также и вследствие того, что до настоящего года необузданные и своевольные кипчаки и киргизы заняты были своими делами и счетами с кокандским ханом и сдерживались его сильной и твердой рукой»[27].

Признавая, что Насреддин из-за отсутствия у него армии, для создания которой нужны были время и средства, не может своими силами справиться с восстанием киргизского народа, Кауфман предлагал расправиться с народным движением при помощи вооруженных сил России. К подавлению восстания на юге Киргизии были привлечены и северокиргизские манапы со своими джигитами, в частности манап Шабдан Джантаев со своим отрядом, принимавший участие в военных действиях и сборе разведывательных сведений. Однако основную роль в борьбе против повстанцев играли царские войска. Показательно, что в период восстания 1875 г. царские местные военные власти не возвращали южным киргизам и кипчакам угнанный у них скот. Так, 21 и 22 августа 1875 г. царские солдаты угнали у кипчаков 16978 баранов, 110 лошадей, 37 голов крупного рогатого скота, 20 верблюдов. Часть угнанного скота была возвращена.

Остальной же скот находился в ведении Токмакского уездного начальника. На 15 октября 1875 г. специальным объявлением исполнявшего обязанности военного губернатора Семиреченской области Россицкого в Токмаке был назначен торг для продажи захваченного у повстанцев скота.

23 сентября 1875 г. части царских войск выступили от Маргелана на север и, переправившись через Сырдарью, 26 сентября вышли к Намангану и вскоре заняли город. 17 октября 1875 г. из занятых земель был образован Наманганский отдел в составе Туркестанского генерал-губернаторства.

---

[27] Там же, док. 340.

Однако киргизы и кипчаки продолжали борьбу против последнего кокандского хана, Насреддина, и поддержавших его царских войск. Пулат-хан из Ляйляка перешел в восточную часть ханства, где к нему примкнули многие киргизы и кипчаки. Киргизы, не признавшие ханом Насреддина, собравшись в кишлаке Пута-Кара, за Андижаном, провозгласили ханом Пулата и, по древнему обычаю, подняли его на белом войлоке.

25 сентября 1875 г. Кауфман обратился с воззванием ко всем жителям ханства, требуя выдать Пулат-хана и помогать Насреддин-хану. 29 сентября 1875 г. он предписал генерал-майору Троцкому в случае пленения Пулат-хана повесить его от имени генерал-губернатора.

Для подавления восстания в Андижане сюда был отправлен специальный отряд, в который входили пять с половиной рот пехоты и три с половиной сотни казаков, вооруженных 8 орудиями и 4 ракетными станками (всего 1400 человек) под командованием генерал-майора Троцкого. 30 сентября отряд подошел к городу. Для отражения нападения царского отряда в Андижане было собрано до 70 тыс. человек во главе с Абдурахманом Афтобачи. По некоторым сведениям, Пулат-хан решил помочь ему защитить Андижан от отряда Троцкого и расположился с 15 тыс. киргизов вне города. Источники свидетельствуют, «что все узбеки, киргизы и кипчаки, собравшиеся в Андижане по письменному вызову Афтобачи из Оша, Шарихана, Булак-Баши, Асаке, Аравана, Маргелана и Коканда, по общему согласию дали клятву защищаться до последних сил и не отступать, несмотря ни на какие потери»[28]. Одним из руководителей восставших в Андижане был Пансат Хатамбай.

С рассветом 1 октября царские войска начали штурм города. Несмотря на энергичную оборону андижанцев, а также баррикады, построенные на улицах города, Андижан был взят. В ходе обороны города его защитники понесли большие потери. Русские захватили два орудия, город был сожжен. После взятия Андижана царский отряд отошел к Намангану, продолжая на пути сжигать кипчакские и киргизские кишлаки. Имеются сведения, что Пулат-хан направил на помощь андижанцам двух

[28] Там же, д. 64, 1875, док. 400.

опытных в военном деле киргизов — Шимирза-датху и Ярмат-датху — с киргизскими отрядами. Известно также, что небольшая часть царского отряда под командой есаула Мишина после штурма Андижана ночью внезапно напала на лагерь Пулат-хана. Захваченные врасплох киргизы бежали. Пулат-хан едва успел вскочить на коня и с несколькими приближенными ускакал в сторону Андижана. В темноте при быстрой скачке его лошадь провалилась на мосту, и он при падении сломал себе ногу. Приближенные доставили его в кишлак Хингды-Мазар, куда постепенно собрались его отряды.

Таким образом, действия царских войск не привели к прекращению восстания. Недовольство киргизского и узбекского народов политикой Насреддина все возрастало, ибо, став союзником царского правительства и его вассалом, Насреддин усилил феодальный гнет над киргизским и узбекским народами.

После андижанского сражения Пулат-хан избрал своей временной резиденцией большой базарный кишлак Асаке, в котором находился ханский дворец, построенный хакимом Шахриханского вилайета Иса-Аулией. Сюда к Пулат-хану стекались недовольные ханским правительством киргизы. Вскоре у Пулат-хана собрался значительный отряд в 12 тыс. всадников, главным образом из киргизов и кипчаков. Занимая своими кочевьями ущелья больших хребтов с восточной и южной стороны ханства, киргизы и кипчаки были уверены в недоступности своих кочевок (впоследствии Ошский, Андижанский и Маргеланский уезды). Город Маргелан признал власть Пулат-хана.

9 октября в Коканде произошел новый переворот. Молодой хан Насреддин защищался от восставшего узбекского народа только три часа, затем с сотней приверженцев бежал из Коканда, подобно своему отцу, в Ходжент под покровительство Кауфмана. Защитники хана стали переходить на сторону восставших. Преследование Насреддина продолжалось, пока он и его свита не переправились вброд на правый берег Сырдарьи. Насреддин и его свита бежали из Коканда так поспешно, что не захватили с собой ни денег, ни вещей и прибыли в Ходжент кто в чем был.

Главной силой восстания в столице ханства был уз-

бекский народ. Он действовал совместно с киргизским народом в ходе стихийной антифеодальной борьбы.

Между тем Пулат-хан по-прежнему находился в Асаке, а Абдурахман Афтобачи удалился в свое родовое имение Там-Кичик (между Нарыном и Карадарьей). Согласно донесению Скобелева, он поссорился с Пулат-ханом. После ухода Насреддина из Коканда власть в столице захватил с помощью нескольких сот киргизов бывший ура-тюбинский бек Абдул-Гафар, бежавший в начале кокандского восстания из Ташкента, где он жил на пенсии, предоставленной ему царским правительством. Пулат-хан же не был в Коканде и не владел Кокандским ханством. Кауфман писал, что, «по всем рассказам, пребывание Абдул-Гафара в столице ханства ознаменовывается пока всякого рода бесчинствами и сатурналиями»[29].

23 октября 1875 г. к западу от Намангана отряд генерал-майора Скобелева расправился с кипчаками. Однако 24 октября в Намангане вновь вспыхнуло восстание, и город перешел в руки повстанцев. Это заставило Скобелева вернуться к Намангану с головной частью своего отряда. 27 октября в результате штурма город был вторично занят царскими войсками, которые потеряли 6 человек убитыми и 38 человек ранеными. После падения Намангана движение в Наманганском округе в основном прекратилось. Но на левом берегу Сырдарьи кипчаки собрали новые силы, насчитывавшие около 20 тыс. человек. Для борьбы с ними Скобелев с отрядом перешел через реку вблизи г. Балыкчи (на левом берегу Нарына и Сырдарьи) и 12 ноября 1875 г. разбил кипчакские отряды. В результате жестокой расправы карателей повстанцы понесли большие потери: одних заколотых штыками было более двухсот человек. Все склады запасов достались царским войскам. Однако по правому берегу Нарына и Сырдарьи по-прежнему кочевало до 10 тыс. восставших кипчаков.

Для правильного понимания хода и характера восстания на этом этапе следует иметь в виду, что ненависть киргизов к ханской власти вспыхнула с особой силой после того, как Насреддин перешел на сторону

---

[29] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6878, бумаги полковника Пичугина по действиям в Кокандском ханстве, 1875 (222 листа), лл. 32—42.

царизма и заключил с ним новый неравноправный договор. Это обострило социальные противоречия среди восставших, раскололо повстанческий лагерь и привело к столкновению между вчерашними временными союзниками, о чем свидетельствуют события, разыгравшиеся в Маргелане. По сообщению очевидца, при взятии царским отрядом Маргелана правитель этого города, младший брат Худояра, Султан Мурат-бек бежал. Вместо него по распоряжению Кауфмана правителем Маргеланского вилайета был назначен Атакул батыр-баши. Но после ухода русских войск против Атакула батыр-баши вспыхнуло восстание. Он был схвачен и убит, а место его занял Валихан, назначенный Пулат-ханом.

Когда весть о восстании в Маргелане и убийстве Атакула достигла Коканда, Насреддин, в то время еще стоявший у власти, двинул туда отряд под начальством прежнего правителя Маргеланского вилайета Султан Мурат-бека, который решил штурмовать город и расположился у кишлака Файзабад. На равнине, отделявшей этот кишлак от Маргелана, происходили частые стычки передовых отрядов Султан Мурат-бека с повстанцами. В одной из схваток 30 киргизов попали в плен, и некоторые из них были отосланы Султан Мурат-беком в Коканд, где их варварски казнили по приказу Насреддина. Султан Мурат-бек вел агитацию против Пулат-хана, называя его самозванцем.

Пулат-хан направил в Маргелан к Валихану отряд кавалерии с заданием уничтожить войска Султан Мурат-бека. Было объявлено поголовное вооружение населения, которое предупреждалось, что в случае уклонения имущество, принадлежащее дезертирам, будет конфисковано. Под командованием Валихана была создана армия, насчитывавшая около 20 тыс. человек, с которой Валихан выступил к кишлаку Файзабад против Мурат-бека. Здесь и произошло сражение между отрядами Пулат-хана и Мурат-бека, в ходе которого восставшие одержали победу. Кишлак Файзабад за оказанное им гостеприимство Султан Мурат-беку был разграблен и разрушен. После неудачного сражения под Файзабадом Мурат-бек ушел в Коканд, но не застал там Насреддина, который к этому времени бежал в Ходжент под защиту царских войск.

Борьба повстанцев против отрядов Мурат-бека свидетельствует, что и в это время восстание киргизского народа по-прежнему носило антифеодальный характер. Вместе с тем нельзя забывать о монархических иллюзиях, присущих восставшим, в силу которых вождем восстания стал Пулат-хан.

Около двух месяцев прожил Пулат-хан в своей временной резиденции — кишлаке Асаке. В записках Скобелева «О положении дел в Наманганском отделе» (4 ноября 1875 г.) Пулат-хан обрисован человеком очень жестоким, твердым и непреклонным. Сообщается, что он убил своего отца за его просьбу сохранить жизнь одному влиятельному человеку.

Вскоре после разгрома Мурат-бека под Файзабадом сторонникам Пулат-хана удалось поднять восстание в кишлаках Яны-Курган и Бачкир под руководством Хасан Калля. Восставшие подступили к Коканду, где к ним примкнуло население города, и захватили Мурат-бека в плен. Под конвоем он был доставлен в кишлак Асаке к Пулат-хану. Пулат-хан принял его, как дорогого гостя, называл дядей, одарил халатами, приказал отвести ему лучшее помещение и вместе с тем отдал тайный приказ убить его ночью. Около полуночи несколько всадников тихо вывезли крепко связанного Султан Мурат-бека на предгорье и там зарезали его. Таким образом восставший киргизский народ расправился с ненавистным ему и узбекскому народу кокандским феодалом Мурат-беком.

В конце ноября или в начале декабря 1875 г. Пулат-хан, опасаясь потерять Маргелан, перенес в него свою резиденцию из Асаке и занял дворец «Урда Тачи». В это время Пулат-хана признавала только восточная часть ханства, населенная кочевыми киргизами и кипчаками. В Маргелане для укрепления власти и военной дисциплины Пулат-хан казнил многих своих противников, в частности маргеланцев — сторонников Худояр-хана и Насреддин-бека.

Народно-освободительное движение стихийно продолжалось и в других районах Южной Киргизии, где были свои местные руководители его. По некоторым сведениям, только под командованием Пулат-хана и Абдурахмана Афтобачи находилось не менее 100 тыс. повстанцев.

Недовольство различными формами феодального гнета выражало не только киргизское и кипчакское население, но и оседлое узбекское население. Оно вело совместную борьбу с кочевниками против ханской тирании и ее покровителя — царизма.

Зимняя экспедиция Скобелева в Эки-Су арасы. Присоединение Кокандского ханства к России

Широкий размах продолжавшегося восстания и упорство, проявленное повстанцами в борьбе с царскими войсками, вызвали тревогу царской военной администрации. Все более убеждаясь в бессилии Насреддина, в его неспособности справиться с народным движением, местные царские власти приходили к мысли о необходимости подавить восстание крупными силами царских войск и ликвидировать Кокандское ханство. Именно с такими предложениями выступил в начале декабря 1875 г. Кауфман в записке, адресованной военному министру. Планируя посылку карательной экспедиции в междуречье Нарына и Карадарьи (Эки-Су арасы), являвшееся в это время центром движения, Кауфман предлагал «главным образом нанести чувствительный удар кипчакам, который сломил бы их кичливость и выказанное ими упорство в нападении на нас». Вместе с тем, верный политике «разделяй и властвуй», Кауфман рекомендовал Скобелеву, командовавшему карателями, стремиться отделить оседлое население от кочевого, «щадя по возможности первых». Эта мысль проводится и в отчете туркестанского генерал-губернатора за 1876 г., где подчеркивается необходимость разгромить и обессилить именно киргизское и кипчакское население, составлявшее главную силу народного восстания.

Военный губернатор и командующий войсками Ферганской области генерал-майор Скобелев в донесении от 12 марта 1876 г. «О военных действиях в бывшем Коканском ханстве с 25 декабря 1875 года по 7 февраля 1876 года» подробно рассказывает о действиях руководимой им карательной экспедиции. Ряд сведений об этом имеется и в отчете туркестанского генерал-губернатора за 1876 г. План действий карательной экспедиции был следующим: экспедиционный отряд, состоявший

из 9 рот пехоты и 8 сотен кавалерии, вооруженных 11 орудиями и 8 ракетными станками, сосредоточивался в Намангане. Выступление отряда приурочивалось к наступлению холодов, когда равнины наиболее проходимы, а горные ущелья завалены снегом, т. е. ко второй половине декабря 1875 г. Карательный отряд должен был пройти всю полосу Эки-Су арасы до кишлака Медресе-Афтобачи и нанести кипчакам и киргизам поражение в главном районе восстания. Далее намечалось ударить по кишлакам северного предгорья и, наконец, захватить Андижан.

Готовился к борьбе и Пулат-хан. Получив сведения о подготовке царскими войсками карательной экспедиции, он собрал под Маргеланом к середине декабря большое ополчение — до 80 тыс. человек, в том числе 3 тыс. с ружьями.

25 декабря 1875 г. войска экспедиционного отряда, насчитывавшего более 2800 человек, начали наступление против повстанцев. Они двинулись к переправе через Нарын у кишлака Кен и к концу дня расположились близ курганчи Бача-Батал. 26 декабря отряд переправился через Нарын и двинулся к берегу Карадарьи, дойдя до г. Балыкчи, который по приказанию царского военного командования был сожжен. Весь следующий день царские войска производили разведывательные операции, безжалостно громя кишлаки, участвовавшие в восстании.

По пути следования карательный отряд сжег ряд селений киргизов и кипчаков в районе Эки-Су арасы: Сармак, Пайтак, Ходжават, Ак-Мазар, Лугумбек, Караянтак, Кайрабат, Капан-кишлак, Янгызбак и др. В районе Маси отряд Скобелева встретился с повстанцами под командованием Суана, который действовал здесь самостоятельно. Отряд Суана был разбит, а кипчакские поселения в районе Масы сожжены.

2 января 1876 г. колонна карателей под начальством полковника Меллер-Закомельского захватила кишлаки Чулму и Медресе-Афтобачи, где встретилась с другим карательным отрядом, которым командовал полковник Пичугин. Кишлак Медресе-Афтобачи, брошенный жителями, был сожжен царскими войсками. 3 января 1876 г. соединенные колонны под общим руководством Меллер-Закомельского присоединились к главному от-

ряду, стоявшему у кишлака Мирабат на Мусулманкул-арыке.

Царское военное командование рассчитывало в результате действий карательной экспедиции в Эки-Су арасы за 12 дней ликвидировать населенные пункты в междуречье и уничтожить киргизское и кипчакское население, давшее большое количество людей в народное ополчение против Кокандского ханства. Царские войска огнем и мечом прошли по всему району.

После карательной экспедиции в Эки-Су арасы задачей царских войск был вторичный захват Андижана, находившегося в руках повстанцев. В результате штурма город был взят. Правитель Андижана Ишмат отступил с киргизами к кишлаку Асаке, куда двинулся и карательный отряд под командованием Скобелева. 16 января 1876 г. после артиллерийского обстрела Асаке был захвачен царскими войсками. Пулат-хан в это время еще удерживался в Маргелане.

Между тем повстанцы попытались вернуть Асаке. Абдурахман Афтобачи с частью повстанческих войск вышел на дорогу между Асаке и Андижаном, примерно в 100 км от последнего. 18 января утром Скобелев двинул свои войска из Андижана по Асакинской дороге против Абдурахмана Афтобачи. В состоявшемся здесь сражении повстанцы были разбиты и оставили на поле боя около 200 убитых и раненых.

После андижанского поражения и полной неудачи при Асаке Абдурахман Афтобачи отказался от дальнейшей борьбы и начал переговоры о капитуляции. В письме к Арзикул-беку (андижанскому пансату, бывшему в русском лагере) он писал, что желал бы примириться с русскими, но требовал гарантий, что это не повлечет для него лично и для его семейства и приближенных тяжелых последствий. В результате переговоров 24 января 1876 г. Абдурахман Афтобачи сдался Скобелеву в Гинду-кишлаке (в 8 км от Андижана) с 26 приближенными.

Пулат-хан по получении известия о сдаче Абдурахмана Афтобачи приказал зарезать его трех братьев и его сноху.

Скобелев отмечал различие между Абдурахманом Афтобачи и Пулат-ханом: «Пулат-бек и Афтобачи — два лица, естественно, не смогли быть солидарны в лич-

ных интересах, но, соединившись во имя газавата и собрав около себя военную партию оседлого населения, единодушно вели дело войны с Россией». По отношению к царскому правительству Абдурахман Афтобачи являлся лишь военным противником. После подавления Кокандского восстания Скобелев ходатайствовал о награждении Абдурахмана Афтобачи чином полковника. В ходатайстве было сказано, что он добровольно сдался, а в ходе военных действий держал себя относительно русских «с крайним достоинством и без обычной азиатской жестокости».

В западной части ханства успехи царских войск привели к возвращению в Коканд Насреддин-бека. 21 января 1876 г. он выехал из Махрама, но, не вступая в Коканд, остановился под его стенами в кишлаке Найманче, где пробыл до 27 января 1876 г. В этот день Насреддин-бек подвергся нападению кипчаков и киргизов во главе с Абдулла-беком, был разбит близ Кайнара и, потеряв около 200 человек, снова бежал в Махрам под защиту русского гарнизона. Киргизский отряд Абдулла-бека стремился укрепиться в Коканде, однако сторонники Насреддин-хана организовали отпор. 28 января 1876 г. произошла схватка между отрядом Абдулла-бека и кокандцами. Отряд Абдулла-бека был разбит, кокандцы — сторонники хана — снова направили депутацию к Насреддину в Махрам, прося его прибыть в Коканд.

Насреддин принял депутацию и 30 января 1876 г. торжественно въехал в Коканд, где и был признан ханом. Однако власть его была восстановлена лишь в западной части ханства.

Пулат-хан, получив известие о поражении под Андижаном и Асаке и боясь движения русских на Маргелан, решил оставить его. Он отошел с повстанческими войсками на Мазар-Хаджа-Магыз, где собрал совет и предложил обсудить вопрос: что делать при настоящих обстоятельствах? Мнения разделились. Часть киргизских руководителей восстания советовала уйти в горы за Ош и там укрепить военную силу. Брат каратегинского бека Музафар-ша предложил уйти с войсками в кишлак Уч-Курган и выжидать благоприятных обстоятельств. Он предлагал овладеть Каратегином, сформировать отряд из каратегинцев и снова вторгнуться в

Фергану. Кокандцы были настроены воинственно: они предлагали идти на Коканд и овладеть им. Но Пулат-хан склонился к мнению идти на кишлак Уч-Курган. В походе, проходя кишлак Яр-Мазар, он остановился на базаре, потребовал к себе пленных кокандцев, которых оказалось 20 человек, и приказал их тут же казнить, после чего с 5 тыс. конных, 500 пехотинцами и 5 орудиями двинулся в Уч-Курган.

Состоявший из нескольких сот дворов кишлак Уч-Курган лежал в глубокой ложбине горного ручья Уч-Курган-сай. Длина кишлака с севера на юг составляла около 2 км. В южной части Уч-Кургана на высоте был расположен укрепленный лагерь Пулат-хана. В ночь на 28 января 1876 г. царские войска атаковали Уч-Курган. Местность позволила подойти к нему незаметно, и атака была внезапной. Захваченные врасплох повстанцы начали отступать, и Уч-Курган был занят царским отрядом. Трофеями карательного отряда оказались 5 медных орудий, 100 фальконетов, бунчуки Пулат-хана и его наиба Абдул Мумына, множество оружия, пороха, снарядов, провианта, все имущество Пулат-хана.

Сам Пулат-хан едва успел бежать с десятком приближенных из Уч-Кургана по Исфаринскому ущелью. Через два дня он достиг Алайской долины и остановился в местности Дараут-Курган. Сюда к нему собрались остатки его отряда, но правитель Каратегина Раим-ша выступил против него с тысячей всадников и разбил отряд Пулат-хана. Последний с 10 всадниками ускакал обратно по Исфаринскому ущелью и укрылся в пещере Чавайского ущелья. О месте пребывания Пулат-хана узнали родственники казненных им противников, во главе с Мирза Кулом и в ночь на 19 февраля схватили его, отвезли в Андижан и передали царским военным властям. По решению военного суда Пулат-хан был приговорен к смертной казни через повешение и казнен в Маргелане.

Подводя итоги карательной экспедиции, Скобелев писал, что выстрелы, раздавшиеся в Уч-Кургане, были последними. Этим закончились военные действия в Кокандском ханстве.

Таким образом, в результате зимней карательной экспедиции отряда генерала Скобелева и наступления

других царских отрядов народное восстание киргизов и узбеков было подавлено.

На всесоюзном совещании историков, проходившем в Москве в 1962 г., академик Б. Н. Пономарев в своем докладе справедливо подчеркнул, что Скобелев проводил «карательные походы в Среднюю Азию»[30]. Доктор исторических наук А. Яковлев, критикуя некоторых авторов, указывал, что они «в явно романтизированном виде представили царского генерала Скобелева, без учета его реакционных умонастроений и роли в подавлении народных выступлений в Средней Азии»[31].

Надо заметить, что антифеодальное движение киргизского и узбекского народов против кокандских ханов в связи с защитой последних царскими военными властями переплелось с антиколонильным движением против царизма.

В результате развернувшегося всеобщего народного движения против кокандских ханов дальнейшее сохранение ханства как вассала Российской империи оказалось ненужным царизму. Боясь нового массового народного восстания, главным образом киргизов и кипчаков, царизм принял решение ликвидировать Кокандское ханство. 3 февраля 1876 г. туркестанский генерал-губернатор Кауфман попросил у царя разрешение на присоединение Кокандского ханства. В тот же день из Петербурга было дано телеграфное распоряжение в Ташкент Колпаковскому и в Наманган Скобелеву занять столицу ханства Коканд. Колпаковскому было предписано немедленно двинуть войска из Ходжента к Коканду и туда же направить резерв из Ташкента; Скобелеву было приказано направить войска к Коканду из Намангана и Андижана.

В дневнике военного министра Милютина от 3 февраля 1876 г. записано, что царь «одобрил присоединение Кокандского ханства к России. Мининдел не возражает, военное министерство тоже не возражает»[32].

---

[30] Б. Пономарев. Историческую науку и образование на уровень задач коммунистического строительства.— «Коммунист», 1963, № 1, с. 21.

[31] А. Яковлев. Против антиисторизма.— «Литературная газета». 15.XI.1972, с. 5.

[32] Дневник Д. А. Милютина, № 7853, рукописный фонд Библиотеки им. В. И. Ленина, с. 9—10.

Выполняя указания царского правительства, Скобелев 5 февраля 1876 г. выступил с отрядом из кишлака Гуль-Тюбе, расположенного вблизи Намангана. Колонна прибыла к Коканду 7 февраля утром. Скобелев тотчас же послал в город за Насреддин-ханом. Тот выехал навстречу царскому отряду в кишлак Яку-Мулле. С этой минуты Насреддин-хан свободой действий уже не располагал. Ворота г. Коканда и дворец (Урда) были немедленно заняты русскими войсками, влиятельные сторонники войны арестованы, и вся артиллерия из 73 орудий захвачена. Вечером 7 февраля к отряду Скобелева присоединился новый отряд из 600 человек, прибывший из Андижана под начальством полковника Меллер-Закомельского. 8 февраля, когда Коканд был уже занят царскими войсками, Абдул Гафар, бывший ура-тюбинский бек, бежал в горы.

В этот же день, в город вступил и отряд подполковника Ефремова из Ак-Джура. 9 февраля Насреддин-хан и некоторые другие правители Кокандского ханства были отправлены из Коканда в Ташкент через Михрам и Ходжент[33].

В середине февраля в Коканд прибыли войска из Сырдарьинской области. К этому времени под Кокандом было сосредоточено 16 рот, 14 сотен, 14 орудий и 8 станков. 15 февраля в Коканд прибыл Колпаковский. Этот день стал днем окончательного захвата ханства. 16 февраля 1876 г. Колпаковскому была подана просьба от представителей городов бывшего Кокандского ханства о принятии их в подданство Российской империи.

Сообщение о присоединении Кокандского ханства к России было объявлено особым воззванием на русском, узбекском и таджикском языках.

19 февраля 1876 г. был издан официальный указ о присоединении Кокандского ханства к России и об образовании Ферганской области, начальником которой назначался генерал Скобелев. 29 февраля 1876 г. Скобелев обратился к жителям г. Маргелана и окрестных селений с воззванием о том, что все население области отныне считается подданным России, и потребовал сдать все оружие. Скобелев предупреждал, что если впослед-

[33] «Туркестанские ведомости», 1877, № 2.

ствии у кого-нибудь окажется оружие без письменного разрешения, то у виновных будет конфисковано имущество; медресе или мечети, в которых будет скрыто оружие, будут закрыты; вакуфы отберутся в казну. Насреддин-бек был переселен на жительство во Владимирскую губернию, где ему была назначена пожизненная ежегодная пенсия из доходов Ферганской области в размере 5 тыс. рублей. Худояр-хану также была назначена пенсия.

В небольшой по объему работе мы попытались показать, как киргизы, узбеки и другие народы Средней Азии вели освободительную борьбу против Кокандского ханства и российского царизма. Борьба народов этого края с июля 1875 г. по февраль 1876 г. носила антифеодальный и антиколониальный характер. Народный характер движения был вынужден признать даже Кауфман. Он писал в газете «Голос» 27 апреля 1876 г.: «Если бы борьба происходила с ханом, имевшим значение в глазах народа, то, по всей вероятности, махрамской победой и занятием Кокана экспедиция достигла бы главных целей. Но дела имели иной характер. На сцену появились иные причины.

Борьба происходила не с ханом, а с народным движением, которое не так легко подавить... Никогда еще в Средней Азии русским не приходилось испытывать такой длинной и упорной борьбы. Мы в первый раз столкнулись с энергичным бойцом и дознали, что бороться с населением несравненно труднее, чем с деспотами туземных ханств» [34].

Кокандское восстание было народно-освободительным движением. Киргизский и узбекский народы вели борьбу против деспотизма кокандских ханов. Правда, после бегства Худояр-хана феодально-религиозные элементы объявили «газават», однако этот лозунг не получил среди населения широкого распространения, что признавал и Кауфман.

«Какое же тут видно общее мусульманское движение,— писал он,— когда мы видим, что Пулат, объявивший себя ханом и стоявший официально во главе движения, поддерживает свою власть жестоким режимом казни... Кипчаки бунтуют против своего хана, желая

[34] ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 67, 1876, док. 261.

избавиться от ненавистной им власти. Когда мы воюем с Коканом, Бухара, Хива, Кашгар и все их население не проснулось»[35].

Восстание киргизского, узбекского и других народов против феодального гнета, эксплуатации и деспотизма кокандских ханов ослабило мощь ханства и ускорило включение его в состав России. В результате этих событий в состав России вошла и Южная Киргизия.

---

[35] Там же.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Восстание южных киргизов 1873—1876 гг. было народным, антифеодальным движением против Кокандского ханства, переплетавшимся с антиколониальной борьбой против царизма. Движущими силами восстания являлись главным образом крестьяне различных национальностей — киргизы, кипчаки и узбеки. Упорная совместная борьба сближала эти народы.

Идеологически повстанцы шли под знаменем «кылкуйрук», т. е. всеобщего выступления против врага. Восстание носило массовый характер. Мнение о том, что лозунгом масс был «газават» — священная война за ислам, не подтверждается. Его выдвинула лишь небольшая группа феодалов, использовавших восстание в своих целях.

Восстание длилось несколько лет. Но его стихийность, отсутствие руководства со стороны передового класса, наивный монархизм привели к поражению. Однако оно стало уроком для последующей борьбы народа за освобождение от всех форм угнетения и эксплуатации.

В дальнейшем совместная борьба киргизского, русского и других народов послужила истоком той братской дружбы, которая расцвела и окрепла после победы Великой Октябрьской социалистической революции. После Октября впервые в истории идея дружбы народов превратилась в движущую силу Советского государства, в основу национальной политики партии. В первые дни революции Советская власть опубликовала «Декларацию прав народов России», провозгласившую право всех народов России на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Декларация отменила все национальные и религиозные привилегии и ограничения, предоставила право на свободное развитие всем народам и национальным мень-

шинствам. Все это было закреплено в первой Советской Конституции РСФСР, которая стала образцом для конституций всех союзных республик.

Всенародное празднование 50-летия образования СССР в 1972 г. и Киргизской ССР и Компартии Киргизии в 1974 г. ярко продемонстрировало укрепление и неразрывность братской дружбы всех свободных и равноправных народов нашей великой Родины.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Глава I. Хозяйство и общественный строй киргизов в первой половине XIX в. 5

Хозяйство 5

Общественно-экономический строй 10

Глава II. Киргизия под властью Кокандского ханства . . 18

Политическая история Кокандского ханства . . . 18

Завоевание Киргизии Кокандским ханством 25

Борьба киргизского народа против гнета кокандцев в 30—50-х годах XIX в. 31

Вхождение Северной Киргизии в состав России . . 37

Глава III. Развитие народного движения в Южной Киргизии против Кокандского ханства 43

Превращение Кокандского ханства в вассала России и усиление его угнетательской политики 43

Первый этап антифеодального восстания в Южной Киргизии (1873—1874 гг.) 48

Выступление андижанских киргизов 54

Выступление чаткальских киргизов 57

Глава IV. Совместное восстание киргизского и узбекского народов (1875—1876 гг.) 63

Начало второго этапа народного восстания 63

Бегство Худояр-хана под защиту царизма. Усиление восстания 67

Ход восстания 77

Зимняя экспедиция Скобелева в Эки-Су арасы. Присоединение Кокандского ханства к России 84

Послесловие 93

Анварбек Хасанович Хасанов

НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В КИРГИЗИИ
В ПЕРИОД КОКАНДСКОГО ХАНСТВА

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор *З. Д. Кастельская*
Младший редактор *И. А. Бодянская*
Художник *М. М. Мержеевский*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректор *М. К. Киселева*

Сдано в набор 1/II 1977 г. Подписано к печати 31/V 1977 г. А-07705. Формат 84×108¹/₃₂ Бум. № 1. Печ. л. 3,0. Усл. п. л. 5,04. Уч.-изд. л. 4,94. Тираж 2700 экз. Изд. № 4096. Зак. 50. Цена 50 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45. ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

50 коп.